

Алия
СУЛТАН

Старшая жена
Любовь после
ИЗМЕНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лия Султан

**Старшая жена.
Любовь после измены**

«Автор»

2025

Султан Л.

Старшая жена. Любовь после измены / Л. Султан — «Автор»,
2025

Меня зовут Айлин и я счастливая жена и мама двух красавиц. Так было раньше...Мы с Рустамом прожили вместе 17 лет. Но в день его рождения ко мне пришла его «токал» - младшая жена или как у нас говорят «официальная любовница». Именно она подарила ему наследника, о котором он мечтал, а я потеряла. Мое сердце разбито, моя идеальная жизнь разрушена. Я хочу уйти, но муж не отпускает, заявляя, что любит нас обеих - каждую по-своему. Он хочет жить на два дома, как делают многие мужчины в нашей стране. Но я не хочу принимать его токал. И не хочу быть «байбише» - его старшей женой! Что делать, если я ненавижу, но все еще люблю своего мужа?

Лия Султан

Старшая жена. Любовь после измены

ЛИЯ СУЛТАН. СТАРШАЯ ЖЕНА. ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ

Глава 1

Все знают о пяти стадиях принятия неизбежного. Отрицание, злость, торг, депрессия и, наконец, принятие. Сейчас я только в начале пути. Отрицание. Смотрю на фотографию милого полуторагодовалого мальчика, а вижу своего любимого мужа Рустама. Те же выщипанные черные волосы, тот же нос, тот же разрез глаз и даже взгляд его.

Сжимаю рамку до побелевших костяшек. Кажется, еще чуть-чуть и она треснет и расколется, как и мое сердце. Держусь из последних сил, потому что меня всю жизнь учили, что такие, как я, девочки из привилегированных семей, даже во время самой ужасной конфликтной ситуации должны сохранять лицо. Моя бабушка-кремень всегда говорила: «Пусть всё против тебя, но ты держись и не смей опускаться до истерики и разводить сырость». Ну что, ажека (каз. – аже – бабушка, ажека – бабуля), как тебе такой апокалипсис?

На меня смотрит и улыбается мать этого малыша. Красивая, стерва. Сексуальная, притягательная, молодая – должно быть, младше меня лет на десять. Вот так, значит, выглядят частые командировки, внеочередные деловые ужины и ночные форс-мажоры моего мужа.

Она пришла за несколько часов до вечеринки в честь дня рождения Рустама. 40 лет. Юбилей. На лужайке перед домом расставлены круглые столы. На них белоснежные скатерти, вазочки с цветами. Установлена сцена для группы. Заказаны фотограф, видеограф, ведущий. Приглашены сливки общества, партнеры по бизнесу, друзья, родственники. Всё, как любит Рустам: дорого-богато, по-нашему, по-нефтяному. Семья моего мужа владеет крупной сетью заправок, парой заводов, коммерческой недвижимостью, и бог знает, чем еще. Поэтому и праздник должен быть на уровне.

Когда наша домработница сказала, что меня ищет какая-то женщина, я подумала, это та самая девушка-видеограф, которую порекомендовали мне дочки. Сказали: снимает шикарно. Я спустилась в гостиную и увидела топ-модель в дорогом летнем платье, очках от «Прада» и с сумкой «Луи Витон», висящую на изящном локоточке. Длинные, идеально уложенные волосы, ноги от ушей и грудь на твердую троечку. Да, это точно не видеограф.

– Я вас слушаю? – с интересом спросила я.

– Во-первых, поздравляю с днем рождения нашего мужа, – самоуверенно сказала она и, не дав мне и рта раскрыть, продолжила: – А во-вторых, передай ему подарок.

Она вытащила из своей брендовой сумки рамку с фотографией и поставила ее на стеклянный столик, разделявший нас. Тогда-то я и взяла снимок в руки и всё поняла. Что она там сказала: «С днем рождения нашего мужа»? Значит, он все-таки завел токалку – младшую жену или, как говорят, официальную любовницу. А ведь клялся, что никогда до такого не опустится. Обещал, что я буду для него единственной. Знал ведь, что я пережила в 19 лет, когда у папы появилась токалка, а мама так сильно страдала, что заболела раком. Я видела, как она угасала. Я была рядом, когда ее не стало. И я ненавидела своего родного отца в тот момент. С тех пор это слово для меня – как красная тряпка для быка.

– Правда, похож на папу? Рустамчик говорит, что Тамерланчик его копия.

Тамерлан. Так мы хотели назвать нашего сына. Это имя предложила наша старшая дочь Анель, и мы были от него в восторге. Полюбили и малыша внутри меня, и это имя. Но сын так и не родился. А теперь есть он – другой Тамерланчик. Какая жестокость и лицемерие. Не

верю, что человек, которого я полюбила с первого взгляда 17 лет назад, мог предать так больно и цинично.

– И зачем ты мне его показала? Милый мальчик. Поздравляю.

– Он наш с Рустамом сын. Его наследник, продолжатель фамилии и рода.

– А ты у нас, значит, его токалка?

– Не люблю это слово, – поморщилась красавица. – Вообще-то я Томирис. Но Рустамчик зовет меня Томи.

– Звучит как драный кот из мультика, – усмехаюсь я. – А ты не боишься, что Рустамчику не понравится, что ты пришла к его жене? Так можно и без папика остаться, если что.

– Не боюсь, – улыбнулась она. – Потому что как бы Рустамчик не злился, но я знаю о нем всё, что мне нужно: на какие кнопки нажимать, чтобы ему было хорошо, как его порадовать, как помочь снять напряжение, – говорит медленно, растягивает слова, наслаждается тем, что в кровати имеет власть над моим мужем.

Меня сейчас стошнит от ярких картинок их бесстыжего секса. Чертово богатое воображение! Томирис видит это и всё равно продолжает:

– Я предпочитаю быть младшей женой. Это же так сейчас называется.

– Да ты что!?! – улыбаюсь, а внутри все клокочет от негодования. – А я думала, это называется любовница, подстилка, шлюха.

– Не ругайся, дорогая, тебе не идет. Просто прими этот как данность, – говорит с ухмылкой, обнажая свои белоснежные зубы. – Мне не нужно, чтобы вы разводились. Живите дальше.

– Ты разрешаешь? Спасибо! – язвлю я, прикладывая руку к груди. Всё происходящее похоже на розыгрыш наших друзей. В какую скрытую камеру смотреть и смеяться?

– Но я устала жить с сыном в тени. Довольствоваться крохами. Особенно, когда что-то случается у тебя или твоих дочерей.

Судя по тому, как выглядит токал моего мужа, он тратит на нее не хилые такие крохи из нашего семейного бюджета. Томирис выдергивает рамку из моих рук, подходит к камину, на котором выстроены наши семейные фотографии, и ставит снимок своего сына в центр.

– Мне нужен статус младшей жены, чтобы иметь такие же права, как у тебя.

Я начинаю звонко хохотать. Так, что даже моя незваная гостья пугается и делает несколько шагов назад.

– Ты? Хочешь иметь такие же права, как у меня? – я перестаю смеяться и бросаю на нее ледяной взгляд. – Запомни, детка, ты никогда не сможешь иметь такие же права, просто потому что я его законная и единственная жена, – говорю холодно, чеканя каждое слово. – А во-вторых, смой с лица штукатурку, сними брендовые шмотки, и вот ты настоящая – ни ума, ни фантазии, ни лоска. Девочка с улицы против внучки министра и дочери. Этот мир тебя никогда не примет. Мужчинам выгодно называть таких, как ты, младшими женами. Звучит солидно. А на самом деле ты просто токалка. Просто содержанка богатенького мужика.

– Я ведь могу и разозлиться, – скалится она. – И тогда буду играть по-другому.

– Я с тобой играть не собираюсь. Поэтому возьми свой подарок и уходи, пока я не вызвала охрану! – требую я.

– Томирис! Что ты здесь делаешь? – слышу удивленный голос мужа и поворачиваю голову. Он стоит у лестницы и ошарашенно переводит взгляд с нее на меня.

– Жа-а-ан (*Жан (каз.) – здесь сокращенная версия слова «жаньым» – любимый, душа моя*), я хотела сделать сюрприз, – растягивая слова, оправдывается любовница.

– Я сказал тебе сидеть дома, – с нажимом произносит он. Но я слышу в его интонации гнев.

– Но жа-а-ан, – подает голос девица, и муж вскидывает руку, чтобы она замолчала.

– Езжай домой. Водитель отвезет тебя.

Она тут же надула губки, но, как покорная младшая жена, послушалась мужа и пошла к выходу. Мы с Рустамом продолжаем буравить друг друга взглядами, не слыша, как захлопнулась входная дверь. Смотрю на него и понимаю, что передо мной теперь совсем другой человек. Он всё такой же красивый, статный, высокий, любимый. Родной, но уже чужой.

– Вот, милый, – говорю с надрывом. – Токалка твоя подарок принесла, – забираю с комода фотографию, подхожу к мужу и со всей силы впечатываю рамку ему грудь. Он в шоке от моей выходки, так же, как и я. – У тебя, оказывается, сын растёт. Тамерлан. Что же ты скрывал такое чудо?

– Айлин, успокойся. Я всё сейчас объясню, – в его глазах смятение, досада, что его раскрыли, а ещё раздражение. Но почему я не вижу во взгляде раскаяния?

– А знаешь, объясни, – говорю я, вздернув подбородок. – Расскажи мне, дорогой муж, как мы теперь будем жить втроем?

Глава 2

– И как мы теперь будем жить втроем? Составим расписание семейных вечеров? А ты как хочешь: утром трахать её, вечером меня, или наоборот? – говорю с вызовом, язвлю изо всех сил, чтобы заглушить боль.

Меня накрыло. Меня несет не в ту степь. Я мелю чушь, от которой моя бабка-филолог сейчас переворачивается в гробу. Это ведь она учила меня, как должна вести себя леди. Рустаму мои пошлости тоже не нравятся. Кривится, выпучив глаза.

– Успокойся, Айлин, – строго говорит муж. – Что за дешёвый концерт?

– Что за дешёвая шлюха, которая посчитала, что она вправе приходить в мой дом и заявлять права на тебя? Токалка? Ты серьёзно?

Рустам отходит к большому панорамному окну, смотрит во двор, хмурится, почесывает бровь. Я его изучила вдоль и поперек. Знала его слабости, как он знал мои. Столько лет я любила, обожала Рустама; была его опорой и соратницей, сопровождала на деловых ужинах, блистала знанием английского, французского, испанского. Зависело от партнеров. Ему безумно нравилось, какое впечатление я произвожу на иностранных инвесторов. Ну что ж, докатились. Теперь мы с ним говорим на разных языках, словно люди с разных планет.

– Я не хотел, чтобы ты так узнала, – признается не в глаза, а в пустоту. – Я накажу Томи за самодеятельность. Я хотел сам тебе обо всём рассказать. Просто мне нужно было время.

– Время? Твоему сыну полтора года. Это значит, ты с ней кувыркаешься больше двух лет? Когда ты успел? – шокированно спрашиваю я, а потом не сдерживая истеричный хохот. – Господи, больше двух лет! Я только сейчас осознала, как долго ты меня обманываешь, а я, как слепая, тебе доверяла!

На этих словах он оборачивается и смотрит на меня странным взглядом. Я не выдерживаю, подхожу ближе и бью его кулаком по груди.

– Ты знал, что я ненавижу токалок. Я рассказывала тебе, что у отца была вторая жена и мама этого не пережила. Я плакала на твоём плече, и ты сказал, что у нас такого не будет. Ты клялся мне в верности! Как ты мог?! Чего тебе не хватало?

Я лупила кулаками по его груди, пока он не перехватил мои запястья и не закричал мне в лицо:

– Успокойся! Хорошо, делай меня виноватым во всём. Но и про себя не забудь. Хочешь узнать, чего мне не хватало? Так я скажу. После выкидыша ты закрылась. Будто я был во всём виноват. Хотя я не меньше тебя страдал. А ты либо плакала и уходила в себя, либо занималась девочками. А я мужчина. У меня есть потребности.

– И она дала тебе то, что нужно? Какая банальщина!

– Да! Дала! – повышает он голос. – С ней я снова почувствовал себя живым. Почувствовал себя мужчиной, которого любят.

– А я по-твоему не люблю? – выплонула я, смотря ему в глаза. – Так, может, и ты уже ничего не чувствуешь?

– Нет, – с шумом выдохнул он. – Я всё еще люблю тебя... Но и ее я люблю.

– Что? – у меня глаза на лоб полезли от этого признания. – Что ты сказал?

– Я люблю вас обеих. Я недавно это понял. Я не хочу терять тебя, – он вдруг нежно коснулся ладонью моего лица, и я, словно под гипнозом, не смогла убрать ее. Я действительно увидела в его глазах нежность, но легче от этого не стало. – Ты моя жена, моя опора, соратница, мать моих дочерей.

– А кто тогда она?

– Томирис родила мне сына. И да... она моя любимая женщина.

Ноги подкашиваются, шарю рукой в поисках кресла и медленно сажусь в него. Огромный ком в горле не дает нормально дышать, боль разрывает грудную клетку, голова вот-вот взорвется. В ушах звенит последняя фраза: «Она моя любимая женщина». Так вот почему она вела себя так нагло и самоуверенно. Она знает, какое место занимает в его сердце.

– Это бред! – поднимаю глаза на мужа. – И что ты предлагаешь? Ты же понимаешь, я такого не потерплю?

– Я предлагаю выстроить наши отношения так, чтобы всем было хорошо. Мы можем жить, как многие другие семьи... такого рода.

– Что, прости? – шурюсь я, чувствую, как горлу подкатывает тошнота. – Ты мне предлагаешь быть байбише (Байбише (каз.) – старшая жена)? Я должна подписаться на роль твоей старшей жены? Ты о девочках подумал? У них подростковый возраст, они очень уязвимы и, если они узнают о твоей измене, то их реакция может быть непредсказуемой. Ты готов к их ненависти?

Чувствую себя героиней мыльной оперы. В 90-е мы смотрели их с другой моей бабушкой. Та была попроще: жарила-парила, шила-вязала и обожала латиноамериканские сериалы. Помню, был один такой – «Богатые тоже плачут». Я сейчас будто в нем. Мы богаты и влиятельны, можем себе позволить всё что угодно. Но вот я сижу перед своим мужем и не верю, что он предлагает мне согласиться на младшую жену.

– Мы найдем, что им сказать, как объяснить. Я лишь хочу всё выстроить как цивилизованные люди. Сейчас многие наши друзья и люди нашего круга так живут. Аскар с Камиллой, Ренат с Розой, да я могу перечислять и перечислять. Этим сейчас никого не удивишь. Мы не первые и не последние.

Во мне вскипает ядовитая ярость. Я еле держусь, чтобы не закричать.

– А знаешь что? – зло усмехаюсь, встаю с кресла и приближаюсь к нему, не отводя взгляд. – Давай попробуем жить, как Аскар и Камилла. У него 25-летняя токалка, а у нее молодой любовник, который ее полностью удовлетворяет. Секрет Полишинеля: все всё знают, но молчат. Семейная идиллия. Мы же тоже так можем, милый? Могу даже кандидатуру любовника у тебя утвердить, – смахиваю невидимые пылинки с итальянского пиджака и замечаю, как дергается его кадык и играют желваки на скулах. Взбешен.

– Ты с ума сошла? – Рустам хватает меня за запястье и больно сжимает. – Чтоб я такого больше не слышал. Ты моя жена. Никакого мужика рядом с тобой не будет, – цедит сквозь зубы.

– А что так? – смеюсь я. – Я не хочу одна носить рога. Тебе они тоже пойдут, – говорю это в миллиметре от его губ, а он срывается и целует меня жадно, страстно, неистово. Как раньше, когда мы были счастливы. Я отвечаю на его поцелуй, потому что мой разум отключается. Это сумасшествие. И я не знаю, к чему оно нас приведет.

Глава 3

Яркий солнечный свет слепил и нервировал. Пришлось зашторить окна, чтобы от всех спрятаться и подумать. Но последнее совершенно не получалось, потому что тараканы в моей голове устроили бешеные скачки. Мои губы горели от его поцелуя, а сердце кровоточило, будто в него запустили миллион ядовитых стрел. Я сама отстранилась от него и ударила по лицу. Это ему не понравилось, ведь женщина ни при каких обстоятельствах не должна поднимать руку на мужа. Но он только яростно процедил:

– Мне надо уехать. Я приеду к началу праздника.

Ушел. Сбежал. А я всё пыталась понять, где я свернула не туда? Почему Рустам не просто завел токал, но и полюбил ее? И как получилось, что я так долго ни о чем не догадывалась? Ведь наверняка были тревожные звоночки, которых я не заметила.

В нашей стране все знают, что токалки – привилегия богатых и влиятельных. Среднестатистический мужчина никогда не приведет домой младшую жену, потому что ему бы с одной справиться. Ведь по негласному закону муж обязан содержать своих женщин в равной степени. Токалки бизнесменов и даже политиков живут в шикарных квартирах или домах, ежемесячно получают деньги на свои хотелки, ездят отдыхать на дорогие курорты. При этом детей от токал мужчина обязан признать и дать им свою фамилию.

А всё началось много веков назад. Тогда многоженство практиковала лишь степная знать. Ведь содержать нескольких женщин было накладно. Они, конечно, тоже не прохлаждались, а много работали: следили за скотом, вели хозяйство, рожали детей. Одна женщина, учитывая бесконечные переезды в связи с кочевым образом жизни, просто не выносила всех тягот, быстро старела и дурнела. И тогда мужчина приводил в юрту молодую жену – токал, которая должна была во всём слушаться байбише – старшую жену, рожать наследников и ублажать господина. В древности первая и вторая жены неплохо ладили и даже вместе воспитывали детей. И брали токал только с согласия байбише. Кроме того, если у мужины умирал брат, то он должен был забрать его жену и детей к себе и заботиться как о родных.

В советские годы многоженство запретили. Нечего здесь прелюбодействовать. Даешь одному мужу по одной жене! Но 90-е снова всё изменили. Принято негласно считать, что институт токалок возродился, когда столицей стала Астана. Министры, депутаты, банкиры и прочие высокие чины уезжали в маленький городок, где еще не было развитой инфраструктуры. Жен и детей оставляли в прогрессивном Алматы. Но в длительной командировке мужское так и лезло наружу. После тяжелого трудового дня им надо было как-то разрядиться. Желательно с постоянной женщиной. Так и появились новые токалки – вторые, командировочные, жены. Позже начали шутить, что Алматы – это город старших жен, а Астана – младших.

Примеру чиновников последовали крупные бизнесмены, которые успокаивали и оправдывали себя тем, что таковы древние традиции. Вот только что делать обманутым женам, горько рыдающим в подушку? Одни выбрали смирение, другие – развод и раздел имущества.

Мой отец был одним из тех, кто уехал работать в новую столицу в далеком 98-м. Он был гениальным финансистом и занимал хорошую должность в Министерстве финансов. О том, что у него есть токал и внебрачный сын, моя мама узнала в 2002-м. Мне тогда было шестнадцать, но я хорошо помню их скандалы и ее слезы. Тогда папа уговорил ее не разводиться, а попробовать оставить всё как есть: она будет жить в Алматы, а другая женщина – в столице. Это было ее ошибкой. Мама много нервничала, страдала, жутко ревновала и в итоге слегла. Я тогда сильно обиделась на отца и не разговаривала с ним. Он хотел, чтобы я училась в Англии, но я решила остаться с мамочкой, и правильно сделала, потому что вскоре она умерла.

Вместо Лондонского университета я окончила наш иняз. С детства я была билингвом и говорила в совершенстве на русском и казахском. Моя бабушка (та, что филолог) заметила, что мне легко даются языки. Я выучила сначала английский, затем начала французский. В университете добавился испанский (привет бабушке, которая обожала мыльные оперы). Отец гово-

рил, что я могу работать в каком-нибудь посольстве. Но в 20 лет я познакомилась с Рустамом на светском мероприятии, куда меня привел отец. Ему тогда было 23, и он только вернулся из Америки. Я влюбилась в него с первого взгляда. Он говорил, что тоже. Наши отцы были только рады: как говорится, деньги к деньгам. Через год я родила Анель, а следом Лауру. Мы были по-настоящему счастливы. Вот только Рустам и его родители хотели мальчика – наследника, продолжателя рода и фамилии. Пять лет назад я, наконец, забеременела. Это был мальчик. Мы все очень ждали нашего сыночка и готовились к его появлению. Я стояла на учете в частной клинике и исправно проходила все скрининги. Но однажды ночью, на 18 неделе, случилось ужасное: у меня отошли воды. Вот только два дня назад все показатели были в норме, и вдруг ИЦН – длинный и трудновыводимый диагноз: истмико-цервикальная недостаточность. Проще говоря, шейка матки истончилась и произошло раскрытие. Оказалось, я вошла в тот небольшой процент женщин, у которых всё происходит молниеносно. Малыша не спасли, и врачи вытаскивали из моего живота уже мертвого ребеночка. А ведь у него уже были головка, ручки, ножки, сердечко...

Потом меня накрыла депрессия, бездонное чувство вины, что не уберегла, перепады настроения, страх забеременеть вновь. Я боялась, что всё может повториться. Не жила, просто существовала. Но в какой-то момент очнулась и поняла, что в моей жизни есть два прекрасных человека, которым я очень нужна – мои девочки. А я, оказывается, так долго упивалась собственной болью, что совсем их забросила. Где всё это время был Рустам? Да, он меня поддерживал, признавался в любви, просил не отчаиваться. А потом... что же было потом? Я не могу вспомнить, когда мы стали отдаляться друг от друга, когда он начал задерживаться в офисе или улетал в длительные командировки. Мы так давно были вместе, что я принимала все его слова за чистую монету, потому что безгранично ему верила.

От всех этих мыслей и воспоминаний голова раскалывается. Иду в ванную, где открываю шкафчик и нахожу таблетку от головной боли. Запиваю прямо водой из-под крана. Ох, видела бы меня сейчас моя бабушка! Впрочем, я от себя не в восторге. Смотрю в зеркало и вижу измученную женщину в отчаянии. Макияж, который пару часов назад сделала девушка-визажист, потек. От красоты не осталось и следа. Волосы растрепаны, глаза и губы опухли, нос красный, будто я только с мороза. И как в таком виде показываться на празднике? А ведь совсем скоро придут гости, будут поздравлять его и меня, снова и снова говорить, какая мы красивая пара, не зная, что между нами пропасть. Господи, хорошо, что мы отправили девочек в летний языковой лагерь. Они не должны видеть всего этого ужаса. Кажется, я всё еще помню вкус его губ. Поцелуй страстный, обжигающий, наказывающий. Будто он клеймил меня, давая понять, что любые мысли о другом мужчине останутся только мыслями. Хочу стереть воспоминания об этом порыве, включаю воду и начинаю остервенело вытирать пальцами свои губы. Потом срываюсь и сметаю с мраморной столешницы все содержимое. Керамическая мыльница, вазочки для зубных щеток, крема и тоник летят на пол. Хрупкие вещицы разбиваются на десятки осколков, а я просто кричу дурниной от боли, разочарования и отчаяния. Меня учили держать лицо и не раскисать. Посмотри на меня, бабушка: что со мною стало?

Я реву белугой, держась за столешницу. Я готова рвать на себе волосы, но пока сохраняю крупницы здравого смысла. Внезапно слышу в голове ее голос: «Я знаю, на какие кнопки нажимать, чтобы ему было хорошо, как его порадовать, как помочь снять напряжение». Молодая сучка трахается с моим мужем и хочет встать между нами. Воспаленный мозг рисует картинку их страстного секса, где ему хорошо, где она выкрикивает его имя, а он шепчет ей: «Ты моя любимая женщина».

Медленно оседаю на пол, облокачиваюсь спиной о холодный кафель и, положив руки и голову на колени, медленно раскачиваюсь, баюкая себя слезами и воем.

– Айлин, ты где? Мы пришли пораньше, как ты просила, – слышу знакомый голос, но не могу ни пошевелиться, ни крикнуть в ответ.

– Слышишь шум в ванной? Она, наверное, там, – предположил другой звонкий голосок. Дверь открывается и через секунду рядом со мной оказываются мои лучшие подруги: Софья и Диана. Я не понимаю, что происходит, будто моя душа отделилась от тела и смотрела на всё происходящее со стороны.

– Айлин, ты слышишь меня? Ну что ты молчишь! Эй! – кричит Софья, самая боевая из нашей троицы.

– Боже мой, кажется, у нее истерика. Посмотри, она всё разбросала! – ужасается нежный цветочек Диана.

– Так, блин, не отключайся, моя хорошая. На меня смотри! Меня слушай! – Софья сжимает ладонями мое лицо и чуть ли не орет: – Ты ничего не пила? Таблетки? Я очень надеюсь, что ты не наглоталась какой-нибудь хрени. Эй! Не отключайся!

Когда ты всю жизнь держишь лицо и боишься прослыть истеричкой, наступает момент, когда у тебя напрочь срываются стоп-краны и ты катишься кубарем с горы, как огромный снежный ком, сметающий всё живое на своем пути.

Глава 4

Втроем сидим на теплом полу в ванной. Я посередине, а девчонки по обе стороны от меня. Софья знает, как вести себя в экстремальных ситуациях, поэтому во время истерики она запихала меня под холодный душ. На мне белоснежный халат, а девчонки уже в вечерних платьях. Я ведь попросила их приехать пораньше, чтобы было нескучно. Организацию праздника мы с Рустамом доверили ивент-агентству, но я всё равно хотела их проконтролировать. А сейчас мне уже всё равно, пусть делают, что хотят.

Смотрю на себя в большое зеркало. Картинка – прелесть. Зареванная клуша и две красотки, которые держат ее за руки. Мы дружим со школы и всегда поддерживаем друг друга, что бы ни случилось. Когда Соня узнала, что мужчина ее мечты женат и даже скоро станет отцом, мы точно так же сидели рядом с ней и успокаивали. И теперь получается, что из нас троих повезло только Диане – с нее муж пылинки сдувает. Она у нас нежный цветочек, женщина, которая никогда не ругается, не повышает голоса и всё делает правильно.

– Теперь я понимаю свою маму, – всхлипываю на плече Сони. – Вот что она чувствовала, когда узнала про папину токалку и сына. Получается, я повторила ее судьбу?

– Бред! – Софья одной рукой прижимает мою голову к своему плечу. – У тебя своя история, и только тебе решать, как ты ее напишешь. Я, например, предлагаю фатальное обрезание.

Смеюсь сквозь слезы, пока Диана ошарашенно хлопает глазами.

– Фатальное обрезание – это как? – осторожно спрашивает Ди.

– Это, моя милая, – подружка подается вперед, – когда берешь колбаску, скручиваешь в узел. А потом хрясь! – Соня ударяет ребром одной ладони по внутренней стороне другой. – И всё готово. И ни тебе токалок, ни залетных шлюх.

– У тебя богатое воображение! – качает головой ошарашенная Ди.

– Это опыт. Я за 20 лет на телеке чего только не видела. И уверяю, фатальное обрезание не самое страшное, – усмехается Софья. Она у нас выпускающий редактор вечерних новостей на самом рейтинговом канале страны, а раньше работала корреспондентом и зубами выгрызала эксклюзивы. В детстве ее называли Мышкой из-за скромности, но с возрастом она стала боевой тигрицей.

– А что тогда страшнее?

– Ну, например, лет десять назад я ездила на съемки в аул в Южном Казахстане. Там старшая жена отравила токалку, потому что не хотела делить ее с мужем. Они жили вместе, и байбише технично подсыпала ей порошок, – говорит совершенно спокойно, как будто про погоду рассказывает. – Но нам не нужна мокруха. Будем брать красотой, уверенностью в себе и здоровым пофигизмом.

– Я не хочу туда идти, – обреченно вздыхаю я. – Гости начнут собираться через два часа. А я не хочу.

Соня схватила Айлин за руку и повернула к себе.

– Запомни: это не ты проиграла! Это он! Потому что ты красивая, умная и офигенная! Ты внучка бывшего министра. Твоя бабка – доктор филологических наук. Ты говоришь на пяти, мать его, языках. Я только три знаю. Матершинный не в счет.

Рядом хихикнула в ладошку Диана.

– Соня права. Сейчас мы всё исправим, сделаем тебе макияж, подкрутим волосы, – подружка проводит ладошкой по мокрым локонам. – Рустик будет локти кусать. А потом ты уже решишь, что с ним делать. Только без крови.

– А если я захочу развестись? – спрашиваю неожиданно, а девочки замирают. – Я не смогу жить с ним, зная, что после меня или до меня он спит с другой. И у нее над ним полнейшая власть. Она же сына родила, она молодая, – грустно шепчу я.

– А ты что, старая? Я тебя умоляю! 37 – это новые 20! А насчет развода, тут мы тебе не советчицы. Я старая дева, Диана святая. Наверное, ты сама поймешь, что делать, когда придет время, – говорит мудрая сова Соня. – А теперь подняла жопу с пола и пошла собираться. Что я зря сменой менялась сегодня?

***

Праздник в самом разгаре. Мой дорогой муж приезжает аккурат к началу, как и обещал. Весь такой красивый, солидный, статный. От Рустама за версту веет мужской энергетикой, силой и властью. Он тщательно следит за собой: модная стрижка, идеальная борода, которая мне когда-то очень нравилась, итальянские костюмы, купленные в Saks Fifth Avenue, дорогой парфюм. А я помню его 23-летним парнем, который мечтал доказать отцу, что он сможет продолжить семейное дело. Рустам тогда и Рустам сейчас – два разных человека. И теперь половина женщин, собравшихся в нашем доме, мне завидует, другая меня ненавидит. Если бы только они знали...

Я стою рядом с Джереми – партнером моего мужа из Англии. Он высокий и симпатичный, а еще у него шикарный английский акцент, который ласкает слух. Джереми рассказывает мне, что только вчера вернулся из Лондона и не может еще привыкнуть к местному времени. Проклятый джетлаг! А потом он вдруг с улыбкой заявляет:

– Айлин, вы сегодня прекрасны. Настоящая восточная принцесса.

Одарив меня комплиментом, Джереми мажет взглядом по губам, длинной шее и линии декольте. Он видит, что я смущена, но не останавливается.

На мне изящное черное платье в пол с утонченным силуэтом «русалка» и фигурным вырезом, подчеркивающим все достоинства фигуры. Особенный шарм наряду придает роскошный материал, привлекающий внимание очаровательным мерцанием. Длинные волнистые волосы убраны на одну сторону. Диана постаралась с макияжем. Он не броский, но выгодно подчеркивает мои сильные стороны. Курсы визажа не прошли для подруги даром.

– Благодарю, – отвечаю ему по-английски и мило улыбаюсь. Это вовсе не флирт, а обычная любезность. Моя обязанность, как жены крупного бизнесмена, – поддерживать светскую беседу и производить хорошее впечатление на партнеров. Смешно вспоминать, но и папа, и муж говорили, что я их секретное оружие. Образованная, эрудированная дочь/жена-полиглот всегда привлекает внимание иностранцев. Сейчас думаю: лучше бы работала по специальности.

Джереми подается вперед и теперь находится катастрофически и непозволительно близко. Я понимаю, что он, скорее всего, выпил лишнего, иначе бы никогда не позволил себе такого.

– Только почему вы такая грустная? Мне больше нравится, когда вы улыбаетесь. У вас самая обворожительная улыбка, которую я когда-либо видел, – краснею, ищу глазами какое-нибудь знакомое лицо, чтобы переключиться на другого гостя, и вдруг вижу мужа, стоящего в окружении своих заместителей. Он делает вид, что слушает, о чем они говорят, а сам не сводит с меня глаз. В них полыхает огонь ревности и... желания. Неожиданно. Одну руку Рустам держит в кармане брюк, другой сжимает бокал с шампанским. Вроде бы расслабленная поза, но я чувствую, что он недоволен мной. Ну что ж, подойди, накажи меня, милый.

Рустам как будто прочел мои мысли и, извинившись перед мужчинами, двинулся мне навстречу. Хищный зверь вот-вот вырвется наружу. Музыканты внезапно заиграли одну из моих любимых песен – Killing me softly («Убей меня нежно»). Рустам это знает. Он протягивает мне руку, приглашая на танец. Я принимаю этот вызов. На нас внимательно смотрят гости, вокруг кружит фотограф. Муж уводит меня на танцпол, куда вышли и другие пары. Хорошо, что мы не одни, – так хотя бы не будет заметно напряжение между нами.

Рустам кладет свою ладонь на мою обнаженную спину, и я чувствую, как горит кожа в этом месте, словно к ней приложили раскаленное железо. Я слабая женщина, потому что позволяю ему вести в этом танце боли и разочарования. Больше нет между нами правды, но находиться с ним так сладко и мучительно одновременно. Он прижимает меня к себе, и я готова растаять, но разум приказывает: «Держись!» Губы Рустама в нескольких ничтожных сантиметрах от моего лица. И он шепчет мне:

– Что от тебя хотел этот англичанин? – строго спрашивает он.

– Его зовут Джереми, – наигранно улыбаюсь я.

– И о чём вы с ним так мило беседовали, м-м-м? – не унимается муж.

– О погоде в Лондоне.

– С огнем играешь, дорогая, – Рустам понимает, что к нам прикованы взгляды гостей и делает вид, что у нас всё прекрасно. – Ты что, не видишь, что он тебя хочет?

– Почему не вижу? – смеюсь я. – Я же не слепая. Кстати, благодаря тебе. Ты мне открыл глаза на многие вещи.

Он вопросительно смотрит на меня, не понимая, к чему я клоню.

– Ты хочешь свою шлюху, меня хотят другие мужчины. Один-один, милый, – мое лицо сияет от фальшивой радости.

Рустам резко прижимает меня к себе, и я чувствую его возбуждение. Взгляд мужа почернел, ноздри раздуваются от ярости и желания, которое он вынужден глушить, а сердце – и я это хорошо чувствую – скачет галопом. Раньше мне льстила такая реакция, и я бы ответила ему взаимностью. Но именно сейчас я уже не хочу любить и принадлежать ему.

– Ты моя жена. Моя! И мне не нравится, как ты сегодня разговариваешь, – заявляет муж, а мне всё еще весело.

– А мне не нравится, что ты приехал к своей жене после токалки. Думаешь, я не чувствую ее запах? Ты весь им пропитался. И меня от него тошнит.

Смотрим друг на друга с вызовом, и в этот самый момент нас ослепляет вспышка фотокамеры. Представляю, какой удачный кадр получился. Все эмоции на лице, здесь мы не играем и не выдаем желаемое за действительное.

Больше мы с Рустамом не танцевали и даже не разговаривали. Ближе к одиннадцати замечаю за столиком приятельницу Розу. Ее муж Ренат – председатель правления одного из крупнейших банков страны. Я помню, что они приехали вместе, но сейчас Роза сидит за столиком одна, уныло попивает шампанское и смотрит на телефон. Кажется, ей совершенно всё равно, что творится вокруг. Подсаживаюсь к ней и дотрагиваюсь до ее руки.

– Роза, всё нормально?

– А, – растерянно поднимает на меня глаза. – Да, дорогая, всё хорошо.

Женщина делает еще один глоток и морщится.

– Хотела тебе сказать. Просто, чтобы ты знала, – выдыхает она. – Я видела твоего с какой-то шалавой. В «Ритце». Приехали в ресторан. А дальше – хрен знает. Не мое дело, но не совершай моих ошибок.

– Я знаю, – тихо говорю я и отвожу взгляд. Смотрю на людей на нашей лужайке и хочу исчезнуть.

– Давно? – брови Розы ползут вверх.

– Сегодня она пришла и рассказала о сыне.

– Вот это да... – женщина делает еще один большой глоток и резко ставит бокал на стол. – Значит, не просто шалава, а токалка. Твари, – зло цедит она сквозь зубы. – И что ты будешь делать?

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Он хочет, чтобы мы попробовали новый формат отношений.

– Че-е-ерт, – чуть ли не воет она, ставит локти на стол и закрывает лицо ладонями. – Дежавю какое-то.

В следующую секунду она берет Айлин за руки, смотрит в глаза и говорит:

– Не повторяй наших ошибок, Айлин. Не дай ему себя унижить, иначе будешь похожа на меня. Знаешь, куда сорвался Ренат? К своей шлюхе. Она беременна. Теперь может позвонить ему в любое время, и он поедет. Потому что она же токал, еще одна его жена. А я сижу дома и жду его, как дура. И я бы ушла, но куда? Я сто лет не работала, у меня простые родители. А он дает мне и детям всё, что нам нужно. И он прекрасный отец, и дети его любят.

– А ты? – осторожно спрашиваю.

– Я? Я ненавижу его... и люблю.

– А так разве можно?

– А черт знает, что сейчас можно, – обреченно говорит Роза. – Она моложе. Свежее личико, сексуальное тело, – ее глаза наполняются слезами. – А чем я хуже? Да, у меня неидеальная грудь, но я выкормила троих. И у меня шрам от кесарева, но живот же плоский. Я даже занимаюсь в зале, чтобы не было целлюлита, чтобы ему всё нравилось. Но черт возьми, каждый раз, когда он со мной, мне кажется, что она где-то рядом. Третья в нашей кровати. Господи, кого я обманываю? Эти антидепрессанты ни фиги не помогают.

– Ты на лекарствах? Тогда тебе нельзя пить, Роза! Это может повлиять на твоё лечение, – я отодвигаю бокал подальше и задумчиво смотрю вдаль. Каждая в эту минуту думает о чем-то своем.

– Может, надо как Камилла? Плюнуть на всё и завести молодого любовника назло мужу? Только посмотри на нее, – она указывает взглядом на танцующую Ками. Она, закрыв глаза, двигается в такт музыке. – Вот человек, которому пофиг на всех. Я тоже так хочу, – всхлипывает женщина.

Мне искренне жаль Розу. И я не хочу скатиться до ее состояния, когда ты, как параноик, проверяешь телефон в надежде, что муж позвонит. Или убиваешь себя, представляя, как он кувыркается с другой, пока ты не можешь уснуть без него в холодной постели. Или понимаешь, что теперь чужой ребенок будет так же важен для твоего любимого, как и ваши общие дети. Почему современные мужчины обрекают нас на это? Почему мы должны следовать их правилам, наступать на горло собственной песне, терять достоинство и быть узницами их любви и внимания? И ведь Роза не видит выхода из этого порочного круга. Хотя он есть – развестись.

Праздник подходит к концу. У меня раскалывается голова и гудят ноги. Софья и Диана говорят, что уже поедут, и заказывают такси. Вижу краем глаза, как Рустам поднимается на сцену и берет в руки микрофон. Он совсем чуть-чуть выпил, но по нему и не скажешь. В этом он в своего отца – тот вообще не любит пить. Кстати, о родителях мужа. Мне интересно, а знали ли они о существовании токалки и внебрачного сына, о котором так мечтала моя енешка

(Ене (каз.) – свекровь). Надо будет спросить их, когда они вернутся из Испании, где у них есть собственная вилла.

– Дорогая! – слышу я голос мужа и получаю толчок в спину от Софьи.

– Айлин! Моя дорогая, любимая жена, – говорит Рустам со сцены. Смотрит мне прямо в глаза, а я, как замороженная, отвечаю ему тем же. – Спасибо, что ты есть в моей жизни, что даришь нам свою любовь, заботу и свет. Спасибо за этот замечательный праздник, который ты устроила. Ты – моя опора, моя соратница, мой главный мотиватор.

– Лицемер хренов, – слышу за спиной недовольный шепот Сони.

– Тише, услышат, – шипит Диана.

– Айлин! Я люблю тебя! Спасибо тебе за всё, – говорит Рустам. В его интонации я не чувствую фальши, он очень убедителен и искренен. За исключением одного «но». Сегодня утром я была для него лишь соратницей. А вот любимой женщиной он назвал свою токалку.

***

Гости разошлись ближе к часу ночи. Я старалась не пересекаться с мужем и сразу ушла в спальню. Видеть и слышать его нет никакого желания. Его импровизация на сцене больно царапнула по сердцу, оставив кровоточащие ранки. К чему это шоу о безграничной любви, когда ты ведешь двойную жизнь?

Смываю макияж, рассматриваю себя в зеркале. Мне 37, но морщин пока не заметно. Провожу пальцами по скулам, скольжу к шее, ведь именно она всегда выдает возраст. Поднимаю подол шелковой кремовой сорочки и рассматриваю свой живот. Плоский, без фанатизма. Грудь несильно изменилась после кормления, но всё равно меньше, чем у нее. Одергиваю себя, понимая, что сравниваю нас. Что за мазохизм?

Ложусь спать совсем разбитая. Занимаю свою сторону на огромной кровати и пытаюсь уснуть. Но ничего не получается. Какой длинный день! Еще утром я думала, что счастлива, но к ночи мираж растворился, а я осталась одна в жаркой пустыне, где засуха не самое страшное.

Слышу, как открылась дверь. Тихие, неспешные шаги мужа. Даже не глядя, могу угадать, что он делает. Бросает пиджак на кресло в углу. Расстегивает пуговицы на рубашке, потом запонки. Белоснежная ткань летит вслед за пиджаком. Звенит пряжка ремня, слышу характерное шуршание. Хочу убежать, но не могу пошевелиться. Пусть думает, что крепко сплю и ничего не слышу. Но то, что происходит через несколько секунд, меня шокирует и выбивает из колеи.

Рустам ложится рядом и прижимается грудью к моей спине. Затем он мучительно нежно и медленно ведет ладонью по моему бедру, поднимается к животу и собирает ткань сорочки где-то в районе пупка. Я до крови и боли кусаю щеку, лишь бы не выдать себя и затушить пожар внутри. Его движения, его внезапно проснувшееся желание возвращает меня в то время, когда мы любили друг друга. Но теперь нет ему веры. Рустам немного пьяный и уставший. А еще он зол на меня из-за Джереми. Я чувствую его прерывистое дыхание, а потом слышу шепот. Грудной, низкий голос мужа всегда возбуждал меня и доводил до безумия, когда мы были одним целым.

– Айлин, запомни. Ты моя жена. Моя женщина. Я никому тебя не отдам. И никуда не отпущу, – предупреждает он.

Ни слова о любви. Ну да, ведь он не на сцене. Я для него собственность, вещь. Для любви у него другая. В этот момент я понимаю, что имела в виду Роза, когда сказала, что любит и ненавидит одновременно. Я – это она. Люблю и ненавижу. Но, в отличие от Розы, я для себя уже всё решила. Резко убираю его руку с живота, включаю свет ночника и вскакиваю.

– Еще раз прикоснешься ко мне, получишь по яйцам.

– Ты охренела? – орет Рустам, вставая с кровати.

– Нет, дорогой, это ты охренел, если думал, что после всего дерьма, что ты вылил на меня сегодня, я еще и ноги для тебя раздвину. Пусть твоя сучка этим занимается.

– Не передергивай!

– Передернешь сейчас ты. А меня оставь в покое.

Он пытается схватить меня за руку, но я уворачиваюсь и бегу к двери. Рустам рычит, бросается за мной, но я захлопываю дверь перед его носом.

Я всё думала, что происходит с любовью после измены. Сегодня поняла: она умирает.

Глава 5

После ссоры с Рустамом иду в спальню девочек, где ложусь на кровать Анель, утыкаюсь лицом в ее подушку и тихо плачу. Что я скажу моим дочерям, когда они вернуться? Как объясню, что сделал их папа? Но почему это должна объяснять я? В любом случае хорошо, что их сейчас нет дома и они не услышат наши разборки. Когда Анель и Лаура вернуться, я уже переболею. По крайней мере я на это рассчитываю.

Рассвело. Просыпаюсь от того, что мягкий свет восходящего солнца бьет в глаза. Сажусь на кровати и понимаю, что больше не засну, поэтому решаю прогуляться. Осторожно пробравшись в спальню, забираю в гардеробной белые джинсы, футболку, кеды и легкий светло-розовый кардиган. На выходе бросаю быстрый взгляд на спящего мужа и вспоминаю, как когда-то, проснувшись раньше него, любовалась им, гладила по густым волосам и очерчивала пальчиком контур его губ, носа, левого подбородка. Потом я ласково будила его поцелуем, и, казалось, не было тогда женщины счастливее меня. Гоню от себя эти мысли и убегаю прочь из этой комнаты и из дома. В голове одна мысль: вытравить все воспоминания о муже, чтобы не было мучительно больно порывать с прошлым.

Мы живем в закрытом коттеджном городке по дороге в горы. 15 минут вверх на машине и вы уже на высокогорном катке Медеу. А в 10 минутах от нашего дома Площадь Республики – самый центр Алматы. Когда мы только переехали, я открыла для себя поистине волшебное место – тропу здоровья Теренкур. Это пешеходная дорога вдоль реки Малая Алматинка, место для уединенных прогулок и утренних пробежек.

Сначала иду к большому пруду, обрамленному изумрудно-зеленым поясом. Деревья и беседка с золотистым куполом отражаются на водной глади. Люблю начинать свою прогулку отсюда, любуюсь видом, делаю несколько глубоких вдохов. Потом спускаюсь к бурлящей реке, бреду вдоль нее, наслаждаясь ее шумом. Он заглушает мои негативные мысли, которые уже сутки не дают мне покоя. Мимо пробегают люди в спортивных костюмах. Никто никого не знает, никто никого не трогает, никому нет до тебя дела. Сажусь на скамейку напротив реки и просто смотрю перед собой. На часах почти 8. Воскресенье. Я знаю, что муж проснется через час и будет меня искать, поэтому выключаю звук на телефоне. Пусть звонит. Мне теперь всё равно.

Это место идеально, чтобы собраться с мыслями в одиночестве и понять, что делать дальше. Мое решение перевернет не только мою жизнь, но и жизни моих девочек. Как они примут эту новость – один Аллах знает. Как странно устроена жизнь: ты одинаково любишь обоих детей, но почему-то получается так, что один из них больше тянется к маме, другой – к папе. В нашей семье Анель считается маминной дочкой, а Лаура – папиной. При том что мы любим их одинаково сильно и никогда не устраиваем соревнований. Но Лаурчик почему-то больше папина принцесса, с детства его «хвостик», всегда к нему ластиться, обнимает и вьет из него веревки. А он и рад этому. Анель же похожа на меня: рациональная, сдержанная, задумчивая. Больше всего переживаю за младшенькую. Новость о предательстве отца она воспримет как любой подросток. И мне уже страшно за нее.

Прохладный ветерок растрепал мои волосы. Я кутаюсь в мягкий кардиган и смотрю на голубое, чистое, безоблачное небо. Закрываю глаза, подставляю лицо теплым лучам утреннего солнца, и меня будто уносит бурный поток Малой Алматинки.

– Подожди, дай я приземлюсь и посмотрю график, – слышу рядом с собой бодрый мужской голос. Незнакомец садится на мою скамейку, не спросив разрешения. Медленно открываю один глаз и наблюдаю за ним: он достает из рюкзака ежедневник, пролистывает. Слышу, как шуршат старницы. Честно говоря, не люблю, когда так делают. Я не ханжа и не сноб, просто... Да, я все-таки сноб, потому что предпочитаю занимать всю скамейку, чтобы никто не отвлекал.

– Ладно, я заменю тебя в среду. Но смотри, в первый и последний раз, – строго, но с улыбкой говорит незнакомец. – Давай, пока!

Мужчина отключает телефон, кладет его в карман джинсов, а ежедневник убирает в рюкзак. Я жду, когда он уйдет, но этого не происходит. Наглец, нарушивший мои личные границы, никуда не спешит, прислоняется к спинке скамейки и смотрит на речку. Я вновь улавливаю боковым зрением какое-то движение и слышу:

– Хотите шоколадку?

Поворачиваю голову и вижу, как мужчина протягивает мне маленькую плитку «Казахстанского» шоколада в синей обертке. Я такой очень люблю.

– Что, простите? – недоуменно переспрашиваю я.

– Шоколадку не хотите? Я после смены ее обычно ем. Не стесняйтесь, берите. Она поднимет вам настроение, – улыбается он, а мне кажется, будто издевается.

– А у меня плохое настроение? – да, я сейчас не настроена любезничать.

– В какой-то степени да, – усмехается он. – У вас всё на лице написано.

– Интересно, – цокаю я. – И что же у меня еще написано на лице?

– Что вам плохо, – серьезно, без тени иронии говорит он.

Между нами воцаряется молчание. Нервно чешу бровь, глядя прямо перед собой. Привычка с детства. Вспоминаю, что перед тем как выйти из дома, посмотрела в зеркало и ужаснулась: вчерашняя восточная принцесса сегодня стала злой, невыспавшейся и несчастной теткой. Лицо немного опухло от слез, траурно чернели глубокие ямы под глазами от недосыпа.

– Да, мне плохо, – соглашаюсь я.

– И вам сейчас названивает причина вашего «плохо», – улыбается он, указывая на телефон в моих руках. Смотрю на дисплей: наше с Рустамом фото в обнимку и надпись «Любимый». Нет, милый, не в этот раз.

– А, пусть звонит, – равнодушно машу я рукой.

– Я не претендую на роль священника на тайной исповеди, но иногда легче выговорится незнакомцу, чем копить все в себе до инфаркта. Ну знаете, как попутчики в поезде.

– Никогда не ездила на поезде, – признаюсь я.

– Да ладно! Серьезно? С какой вы планеты? Это же самый экстремальный транспорт в стране.

– Да как-то не особо получалось, – пожимаю плечами. – В основном на самолете.

– Вы знаете, говорят, что попутчику в поезде легче открыться, потому что люди потом разъезжаются в разные стороны и забывают друг о друге навсегда.

Задумываюсь. Интересная практика исповедаться незнакомцу, которого я больше никогда не увижу.

– А давайте попробуем. Мне начать? – он кивает. – Мой муж предлагает мне тройничок, – выпаливаю я, и мой собеседник хмурится.

Я вдруг понимаю, как он хорош собой. Густые черные волосы, модная щетина, широкие плечи, мускулы и... красивые руки. Всегда обращала внимание на руки. У него они сильные, с выпуклыми венками чуть ниже локтя и на кистях. А пальцы длинные, идеальной формы. Одет обычно, не вычурно: синие джинсы, белая футболка. Вспоминаю, что мужчина идет со смены,

а значит он либо полицейский, либо пожарный. Я склоняюсь к тому, что он оперативник. И внешность подходит, и вопросы задает так, что ответишь. И зашел ведь с шоколадки, чертяка!

– Удивлены? Но выдохните. Он хочет, чтобы я приняла его токал и его право жить на два дома.

– Печально, – хмыкнул он, и отломив кусочек шоколадки, протянул мне. – Все-таки угощайтесь.

Я взяла маленький кусочек и отправила его в рот. Как только почувствовала вкус на языке, поняла, что очень проголодалась.

– А что печального? Ему в кайф, а мне в петлю.

– Печально, что ваш муж настолько дурак, что заставляет плакать такую женщину, как вы. И еще печальнее, что вы вообще замужем.

Смотрит на меня так, будто хочет проникнуть в душу. Я это понимаю, и в моем сознании вдруг резко запускается программа «Опасность». Краска приливает к лицу от его взгляда; ладошки чешутся от нервов, а в голове вообще все мысли всмятку. Никогда прежде я не позволяла себе никем увлекаться. Для меня всегда существовал только один человек – Рустам. Но мой организм решил провести шоковую терапию.

– Извините, но мне пора.

– Да, конечно, – очнувшись, говорит он.

– До свидания, – улыбаюсь. – И спасибо за шоколадку.

Я поднимаюсь со скамейки, делаю несколько шагов, и в спину прилетает вопрос:

– Как вас зовут?

Я оборачиваюсь и ловлю его добродушную улыбку.

– Это тайна исповеди, святой отец, – шучу я.

Мужчина слегка смеется и, опустив взгляд на землю, качает головой.

– Да, вы правы. Я же сам это предложил, – поднимает взгляд. – Тогда вы будете для меня прекрасной незнакомкой.

– Годится. А вы тогда мистер Икс, – говорю с улыбкой. – Хорошего дня.

Он молча кивает. Я разворачиваюсь и быстро иду домой. По дороге все-таки включаю дисплей и вижу больше двадцати пропущенных от мужа. В этот момент на экране появляется фото Софы, и я принимаю вызов.

– Твой припадочный ищет тебя по всему городу. Думал, что я тебя прячу! – бодренько вещает подружка. – А ты вообще где?

– Гуляла.

– М-м-м, и как... нагулялась? – ухмыляется она.

– Вполне.

– Ну давай, сейчас тебе муженек устроит. Если что, звони. Будем вместе прятать тело. Диану брать не будем. Она расколется на первом же допросе.

– Софа, не шути так, – смеюсь я в голос и чувствую, как из глаз льются слезы. Как ей это удастся? Каждый ее прикол бьет точно в цель. Она хотела меня подбодрить, и у нее это получилось. Представляю, как сейчас выгляжу со стороны – просто ржу, как лошадь. Но это сейчас то, что мне нужно.

– Софа, ты доведешь меня до инфаркта. Но я уже дошла, поэтому перезвоню.

– Давай. И не раскисай!

Вхожу в ворота и вижу, что водитель Рустама Улан уже на посту. Хмурится, проводя тряпкой по сверкающему черному «Мерседесу». У меня к нему много вопросов, но сейчас интересует главный.

– Улан, доброе утро! – подхожу к нему и здороваюсь.

– Доброе утро, Айлин Талгатовна! – приветствует он и откладывает тряпку.

– Как дела? Как дома? – Улан так давно у нас работает, что я хорошо знаю его жену и детей. Мы всегда поздравляем их с Новым годом, и я лично выбираю подарки для сына и дочери.

– Слава Всевышнему, всё хорошо, – кивает он. – Вас Рустам Мухтарович ищет. Что-то не в духе.

– Угу, не в духе, – глухо повторяю я. – Улан, скажите, как давно вы знаете?

Мужчина на секунду теряется. Ему неловко, он пытается спрятать глаза и занять чем-то руки. Берет с капота тряпку и сильно ее сжимает. Улан – простой работающий мужик, верный моему мужу. Но я вижу, как он жалеет меня в данный момент.

– Айлин Талгатовна, это моя работа.

– Я знаю, Улан. Я не злюсь. Я всё понимаю. Просто скажите, как давно.

– Давно, – признается он. – Почти три года.

– Вы ее куда-то возили?

– Да. Первое время. Потом Рустам Мухтарович купил ей машину.

– Какую? – продолжаю я допрос.

– «Лексус». Из салона.

– У Айбека, что ли, покупал? – называю имя нашего общего друга.

– Да.

– Понятно, – кутаюсь в кардиган, хотя уже печет. Но мне почему-то холодно. – Улан, мне нужен адрес.

– Простите, Айлин Талгатовна. Я не могу. Если Рустам Мухтарович узнает, я потеряю работу.

– Он не узнает, поверьте мне.

Несколько секунд жду хоть каких-то действий Улана, но он только стоит и крутит в руках эту многострадальную тряпицу. И тогда я решаюсь на грязную игру. Знаю, что поступаю плохо, но это сильнее меня.

– Улан, а как Марьям? Как ее здоровье?

Водитель поднимает глаза и смотрит на меня ошарашенно. Мне плохо от того, что я превращаюсь в стерву, но я хочу получить ответы на вопросы. Поэтому ударяю по больному. Марьям – младшая дочь Улана. Прекрасный, милый ребенок восьми лет. Когда ей было шесть, у нее обнаружили лейкоз. Бесплатные лекарства, которые использовали в лечении, вызвали у нее аллергическую реакцию. Об этом я узнала от его жены, когда просто позвонила узнать, как у них дела. Улан не хотел никого грузить своими проблемами, а его супруга цеплялась за любую возможность, только бы спасти дочь.

О том, что девочке срочно нужны дорогие немецкие препараты, я рассказала Рустаму, и он через своих друзей за границей их достал. А потом мой муж полностью оплатил реабилитацию Марьям. При том что всё это можно сделать бесплатно, но когда у тебя есть деньги, то и отношение к тебе совершенно другое. К сожалению. Меня тогда восхитило благородство Рустама. Ради детей он всегда был готов на всё. Как и у любого человека, у него тоже есть светлые и темные стороны.

– Спасибо, Айлин Талгатовна, у Марьям всё хорошо. Вот скоро снова в санаторий поедет.

– Молодец. Передайте привет супруге, – по его глазам я понимаю, что он уже всё для себя решил. – А что насчет моей просьбы...

– Я вас понял. Я отправлю вам данные на телефон.

– Спасибо. Я вас не подведу, – обещаю я, прекрасно понимаю, что, если Рустам узнает об этом договоре, он уволит Улана.

Захожу в дом, снимаю на ходу кардиган и перекидываю его через локоть. Не дохожу до лестницы буквально двух шагов, как вдруг слышу голос мужа со стороны кухни:

– Где ты была? – чуть не рычит он.

– И тебе доброе утро, – поворачиваюсь и с вызовом смотрю на него.

- Я спросил, где ты была?
- Гуляла, – твердо отвечаю я.
- Одна?
- Нет, с любовником, – дразню я его.

Два широких шага, и он оказывается в миллиметре от меня. Больно сжимает запястье и смотрит в глаза.

- Не шути так, Айлин.
- Расслабься и отпусти меня. Есть разговор.
- Какой?
- Я хочу развод. Как можно быстрее.

Глава 6

Рустам

Последние 24 часа Айлин его бесила, выводила из себя, заставляла ревновать и пробуждала в нем давно забытые ощущения. Он не помнил, когда так хотел собственную жену, с которой прожил 17 лет. За это время они так хорошо друг друга узнали, что уже не могли ничем удивить. Страсть растворилась, любовь преобразовалась в дружбу, а трагедия отдалила.

То, что в благородном семействе не всё гладко, никто не хотел признавать, потому что всех всё устраивало. Несколько лет назад Айлин потеряла ребенка на большом сроке. Ее депрессия растянулась на несколько месяцев, она винила во всем себя и боялась снова забеременеть. Когда Рустам сказал жене, что у них еще будут дети, она ответила, что им уже хватит.

Рустаму было искренне ее жаль, но в какой-то момент он поймал себя на мысли, что ее состояние раздражает. Хотелось встряхнуть супругу и сказать ей: «Посмотри, в кого ты превратилась? Где та 20-летняя девчонка, в которую я влюбился?»

Да, он помнил их первую встречу на каком-то приеме. Рустам как раз проходил мимо, когда услышал, как совсем еще девчонка бегло говорит по-испански ни с кем-нибудь, а с консулом Испании. Потом оказалось, что отцы Рустама и Айлин давно знают друг друга. 23-летний парень пригласил ее на танец, и Айлин восторженно расспрашивала его об Америке, откуда он только вернулся. Ее утонченная красота и пылливый ум сразили его наповал. А еще то, как беззаветно она его любила. Их отцы были только рады породниться, потому что у отца Рустама был большой бизнес, а у папы Айлин – связи там, где принимаются самые важные решения. Просто так удачно совпало.

Первые годы совместной жизни были прекрасными. Айлин родила дочерей, занималась их воспитанием и образованием. А еще сопровождала мужа на светских мероприятиях, где блистала не только красотой, но и знанием языков. В мире богатых и влиятельных она чувствовала себя как рыба в воде. Рустам пять лет жил в Америке и отвык от казахстанских реалий. Но Айлин выросла в этой среде и знала тонкости ведения дел по-казахски, потому что дома дедушка, бабушка и папа часто это обсуждали.

Рустам и Айлин были идеальной парой, пока их жизнь не перевернула трагедия. Айлин просто сломалась и морально, и физически. Жена то ходила к психологу, то уезжала в зарубежные санатории, то занималась девочками. Сильно похудела, перестала интересоваться чем-то, кроме уроков, репетиторов, и подолгу уходила в себя. Когда врач, наконец, разрешил возобновить половую жизнь, это чуть ли не привело к нервному срыву. Из-за выкидыша и последующего лечения гормональный фон нарушился, и у Айлин диагностировали сухость влагалища. Правда, сам Рустам об этом диагнозе не знал. Просто когда он захотел близости с женой, она оказалась совершенно не готова, несмотря на внешнее возбуждение. Внизу была Сахара, и казалось, будто он во второй раз лишает ее невинности. В самый ответственный момент она закричала от боли и убежала рыдать в ванную. Рустам разозлился и выместил всю злость на

подушке. Позже они решили, что можно использовать лубрикант, но суррогат не приносил должных ощущений ни ей, ни ему. Врач успокоила Айлин, сказав, что даже после родов такое бывает, но скоро всё придет в норму.

Вскоре после этого случая Айлин захотела провести зимние каникулы с дочерьми на вилле в Испании. В частной школе они были длинными. Решили, что сначала уедут они, а Рустам присоединиться к ним позже. Пока его девочки отдыхали, мужчина завалил себя работой и многочисленными деловыми встречами. В ближайшее время ему нужно было лететь в Астану на свадьбу дочери министра энергетики. Разговаривая по видеосвязи с женой, Рустам пожаловался, что без нее не может толком выбрать что надеть. И тогда Айлин посоветовала купить костюм – что-нибудь из новой коллекции. Она сказала, что предупредит консультанта, с которой они всегда работают, и та что-нибудь подберет.

Рустам не любил шопинг. Все решения по гардеробу принимала только Айлин, поэтому когда он вошел в бутик премиум-класса, то сначала огляделся, а потом шумно выдохнул, понимая, что без жены будет тяжело.

– Здравствуйте! Могу вам чем-то помочь? – к нему навстречу плыла очаровательная брюнетка в черном платье-футляре и туфлях на каблуке.

– Мне нужна консультант Жанна. Жена должна была предупредить, что я приду.

– Ах да, Жанна мне сказала. Простите, пожалуйста, она заболела. Сегодня я буду вашим консультантом. Меня зовут Томирис. Вы ищете что-то определенное?

– «Бриони», «Лоро Пиана». Может, «Китон», – скупающим тоном перечислил он

– Прекрасный выбор. «Китон» – бренд, который носят президенты, – она сказала это красивым, низким голосом, от которого у Рустама перехватило дыхание. Он поразился такой реакции на нее.

– Вы знаете, я хотел бы побыстрее с этим закончить.

– Конечно, – улыбнулась она. – Я провожу вас в примерочную, а потом принесу костюмы.

Томирис изящно развернулась на каблуках и, призывно виляя бедрами, направилась вглубь зала. Рустам – за ней. Он нарочно отвел от нее взгляд, но долго не продержался. Его тянуло смотреть на нее снова и снова. Рустам почувствовал, как тело мгновенно напряглось и по-мужски откликнулось на незнакомку. В девушке была природная манкость и сексуальность, будоражающая сознание и сносящая все запреты.

Томирис вернулась через несколько минут, держа в руках несколько вариантов костюмов. Выбрала из стопки один и протянула ему.

– Вы пока переодевайтесь, а я подойду через минуту, – сказала она обворожительным приглушенным голосом.

Рустам надел тройку и вызвал девушку в примерочную. В этот момент он не понимал, для чего всё это делает, но ему хотелось вновь ощутить ее близость.

– Давно здесь работаете? – спросил он строго, глядя зеркало.

Томирис стояла за спиной клиента, затем подняла на него свои колдовские глаза и перехватила его взгляд.

– Чуть больше недели, – ответила она почти шепотом, а потом провела ладонями по его плечам, расправляя невидимые складки на пиджаке. – Вам очень идет этот костюм. Как я сказала, «Китон» носят президенты.

– Спасибо, можете идти, – кивнул он строго.

Стоило ей выйти, как он тяжело выдохнул, понимая, что от ее взгляда, прикосновений и голоса его повело. Он столько лет хранил верность жене, а сейчас не мог утихомирить зверя, рвущегося наружу. Выход один: скорее уйти и больше не возвращаться. Он так и сделал. Вечером позвонил жене по видеосвязи, увидел ее красивое, довольное лицо и сказал, что любит. В ответ услышал: «И я тебя люблю, милый». Вроде отпустило.

Оказалось, ненадолго. Весь следующий день он возвращался мыслями к притягательной брюнетке. Желание увидеть ее было слишком сильным, и ближе к концу рабочего дня Рустам снова приехал в бутик.

– Добрый вечер! Это снова вы? – в голосе слышалось удивление вперемешку с радостью. – Вам помочь?

– Я подумал, что мне нужен ремень.

– Да, конечно. У нас большой выбор. Проходите, пожалуйста.

И вновь всё по отработанному сценарию. Она передала ему несколько вариантов, он надел первый попавшийся и вызвал ее. Томирис тихонько вошла и медленно закрыла за собой дверь.

– Вас устраивает этот вариант? – и вновь от ее голоса мужчину бросило в жар. Хотя нет, это было адское пламя.

– Да, – кивнул Рустам. – Этот.

– Позвольте, посмотрю, всё ли правильно, – она подошла ближе, дотронулась до пряжки ремня и как будто случайно задела пальчиками ширинку. Последовала молниеносная реакция. Как контрольный в голову.

Всё произошло слишком быстро, словно у Рустама отключили программу, отвечающую за здравый смысл. Он схватил Томирис за руку, резко рванул на себя и припечатал к стене. Она даже не сопротивлялась, а, наоборот, тяжело дышала, смотря на него затуманенным, полным желанием взглядом. Рустам поцеловал ее жадно и страстно – так, как давно не целовал собственную жену. Томирис сладко застонала, отвечая на поцелуй и царапая ноготочками кожу на затылке.

Оторвавшись от ее опухших розовых губ, он сначала перевел дыхание, а потом поймал ее взгляд в зеркале и сразу всё для себя решил.

– Когда заканчиваешь?

– Через полчаса, – ответила она, поправляя платье.

– Я буду ждать на парковке, – не церемонясь, предупредил он.

– Хорошо, – блеснула она глазами.

В тот же вечер он привез ее в роскошную гостиницу и не отпускал всю ночь. Он брал ее снова и снова, наслаждаясь шикарным телом 25-летней красавицы, ее чувственностью, отзывчивостью и готовностью. Томирис стонала, извивалась, кричала от наслаждения, сгорала и плавилась в его руках. Он увлекся настолько, что пропустил ежедневный видеозвонок с семьей, написав жене в перерыве, что сидит на бизнес-ужине. Она пожелала удачи и отправила смайлик с поцелуем. Рустам ненавидел себя в этот момент. Его трясло от собственно вранья и... желания вновь обладать Томирис. Выйдя из ванной, где Рустам писал сообщение жене, он замер от открывшейся ему картины: на кровати лежала обнаженная и разгоряченная красавица. Она закусила губу и призывно раздвинула перед ним ноги.

– Я соскучилась, – протянула она игриво, и Рустам снова забыл обо всем: о клятвах верности, о чистой любви, которую дарила ему жена, об обещаниях, данных несколько лет назад.

Томирис стала для Рустама наваждением, его сладким искушением, его девочкой, перенесшей его на 20 лет назад, когда он был молодым и резвым. Мужчина снял любовнице квартиру в элитном комплексе и приезжал к ней каждый вечер. Разумеется, оставался на ночь. Айлин и дочерям он сказал, что не может приехать в Испанию из-за форс-мажора, требующего его присутствия. Вранье за враньем, оправданное тем, что он мужчина, который внезапно встретил ту, с кем невероятно хорошо и легко. У 37-летнего Рустама сносило крышу от ее идеальных изгибов, низкого сексуального голоса, длинных волос и сладких пухлых губ. Секс на ужин, на завтрак, а иногда и на обед. Такого не было никогда.

Он потребовал, чтобы она уволилась, и Томи с радостью согласилась. Рустаму нравилось ее желание угодить ему во всем. Она смотрела на него с любовью, восхищением, неподдельным обожанием. И в груди сладостно ныло. С Айлин уже давно так не было. Они с женой стали больше партнерами и друзьями. По крайней мере ему так казалось. К тому же Айлин ничему в этой жизни уже не удивлялась. Даже в суровые 90-е у нее было всё и даже больше. Поэтому дизайнерские шмотки и сумки, заграничные курорты и перелеты бизнес-классом она воспринимала как данность. А Томирис радовалась всему, как ребенок, прыгала от счастья, прижималась, как маленькая девочка, целовала и обнимала его, говорила, как сильно любит... Именно с ней у него началась вторая молодость.

Вскоре Айлин и девочки вернулись. Теперь ему предстояло делить свое время между семьей и любовницей. В ту первую ночь после возвращения Айлин сама сделала шаг навстречу. Поцеловала с такой оглушительной любовью и лаской, что у него защемило в груди. Жена призналась, что теперь готова к близости, и он, конечно, сделал все аккуратно и медленно. Но секс с женой был другим: спокойным, размеренным, без ярких вспышек и фейерверков. Рустама тянуло к другой.

Айлин не заметила изменений в поведении мужа. Рустам первое время ненавидел себя за всю эту ложь. Но больше всего корил себя за то, что нарушил клятву не обманывать и не заводить токал. Он пытался порвать с Томирис, но никак не получалось. Когда он заводил разговор о том, что им надо расстаться, она плакала так самозабвенно и долго, говорила, что безумно любит и жить без него не может. Разумеется, весь разговор потом плавно переходил в горячий секс на грани. А потом она шокировала его новостью о беременности.

Сначала Рустам разозлился и орал, что она обещала пить таблетки. Томи только всхлипывала и отвечала: «Я не знаю, как так вышло». Ребенок на стороне не входил в его планы, но он уже был, и Рустам решил, что Томи должна рожать. В назначенный срок на свет появился мальчик. Не сказав ему ничего, Томи еще в роддоме оформила свидетельство о рождении сына через приложение «Электронное правительство» на смартфоне. Она назвала малыша Тамерланом. Рустам был против, ведь это имя предназначалось для их с Айлин малыша. Но Томи сказала, что информация уже попала в базу и само свидетельство будет готово завтра же... В итоге Рустам снова смалодушничал и пошел у нее на поводу. Тамерланчика он обожал, но жалел, что не может уделить ему достаточно времени и внимания.

Через несколько месяцев после рождения сына Томи и Рустам лежали в кровати, разгоряченные и счастливые. Она прильнула к нему, как кошечка, а он медленно гладил ее волосы, пропуская пряди через пальцы. Томи играла с завитками на его груди и спросила:

– Когда ты ей скажешь?

– Еще не время.

– А когда будет время? Нашему сыну уже полтора года. Если ты не с ней, то со мной. Ты же говорил, что любишь меня.

– Люблю, но мне надо подготовить жену. Я же говорил, что не брошу ее никогда. Она для меня очень важна.

– А я? Я, получается, твоя токал?

– Я не люблю это слово, – поморщился он.

– Но это же так. Я твоя вторая жена. Я родила тебе наследника. И я хочу, чтобы ты меня больше не скрывал. Расскажи про меня и Тамерлана родителям. А потом и жене. Я не против, что она будет главная.

– Боюсь, что она будет против, – тяжело вздохнул Рустам. – Подожди, пока не пройдет мой день рождения. Айлин готовит прием, там будут важные люди. После я всё ей скажу.

– Хорошо, милый, – Томирис потянулась за поцелуем и получила то, что хотела.

Рустам для себя решил, что ни за что на свете не оставит Айлин. Но и Томирис не бросит. Он понял, что любит их обеих, и не сможет выбрать только одну. Совесть периодически мучила

его, но он успокаивал себя тем, что сотни людей так живут, что это древние традиции, что даже его друзья давно делят время между старшей женой и младшей. По этому поводу он даже поговорил с Ренатом и Аскарком, у которых тоже были токалки. Друзья его успокоили, сказав, что Айлин переберется и смирится. И он в это поверил, ведь их жены приняли такой формат отношений.

Чего Рустам не ожидал, так это того, что Томирис его слушается и придет к Айлин. Когда он увидел младшую жену рядом со старшей, в нем вскипела ярость. На себя, на Томирис, даже на Айлин. Жена, как всегда, держала лицо и даже язвила. Мужчина отправил Томи домой, а сам хотел поговорить с женой. Но что-то пошло не так. Вместо того чтобы сказать, что любит ее, он зачем-то назвал ее соратницей и опорой. А ведь хотел, чтобы она поняла и приняла его полиаморность. Но Айлин разозлилась и выдала ему в лицо, что тогда тоже пойдет налево. Рустам рассвирепел. Никогда он не отдаст свою жену другому. Чтобы дать ей время успокоиться, он поехал поговорить с Томирис. В таунхаусе, куда он поселил сына и его мать, было тихо. Он знал, что в это время няня водит Тамерлана в Центр раннего развития. Рустам прошел в спальню и услышал, как в ванной течет вода. Через несколько секунд оттуда вышла Томирис в облегчающем платье, которое ему так нравилось.

– Жаным, ты пришел. Ты поговорил с ней? Всё нормально?

– Нет, не нормально, – зло бросил он, развязывая галстук. – Я просил тебя ничего не делать. Я сказал, что сам разберусь. Почему ты полезла туда, куда тебе не надо совать свой нос?

– Милый, почему ты кричишь? – ее глазенки наполнились слезами. Она подошла к нему и хотела обнять, но он одернул ее руки.

– Ты слишком многое себе позволяешь, Томирис. Не надо было ходить к моей жене, в наш дом. Или я плохо объяснил?

Рустам сел в кресло, стоявшее напротив кровати. Рой мыслей в голове не давал расслабиться. Но одно он понимал точно: он сам загнал себя в этот капкан любви на троих. И теперь ему из него не выбраться.

– Жа-а-ан, ну прости меня, – Томи села в его ноги и ласково потерлась щекой о колено. – Я не могу так жить. Я хочу проводить с тобой больше времени. Я не хочу прятаться. Все должны узнать о Тамерлане.

– Томирис, ты меня очень расстроила, – он погладил ее по голове, а потом собрал ее длинные волосы в кулак и оттянул назад. Это она приучила его к таким играм, которые с пол-оборота заводили его. Томирис подсадила его на развязный и даже жесткий секс. С Айлин такого никогда не было.

– Прости меня, милый. Я так больше не буду. Ты меня накажешь? – она похлопала глазками и облизала губы.

– А ты хочешь, чтобы тебя наказали? – хрипло спросил Рустам.

– Конечно, любимый. Я знаю, как ты любишь, – Томирис изящно поменяла позу, устроившись между его раздвинутых ног, и опустила вниз молнию на брюках.

Рустам закрыл глаза, полностью отдаваясь невероятным ощущениям. Сейчас мозг полностью отключился.

Через несколько часов Рустам как ни в чем не бывало вернулся домой и увидел жену в черном вечернем платье. Сердце сделало кульбит и упало с высоты. Она была так прекрасна и грациозна, что привлекала к себе все мужские взгляды. А Рустам снова злился на себя, но уже ничего не мог изменить. Это было сильнее него. Только недавно он был с одной женщиной, а теперь отчаянно хотел другую. В ту ночь Айлин ему отказала, пообещав оторвать яйца. Впервые она говорила с ним в таком тоне.

Он заметил, что Айлин сильно изменилась за последние сутки. Спокойная жена превратилась в тигрицу с острыми ядовитыми клыками. И когда она вернулась домой с прогулки и попросила развод, он опешил.

– Я хочу развод, – повторила Айлин.

– Нет. Я не хочу разводиться, – отрезал Рустам.

– Мне плевать, что ты не хочешь. Сегодня же я подам заявление. Остальным займется мой адвокат.

– Ты с ума сошла? Какой развод? Мы вместе 17 лет, – возмутился мужчина.

– Раньше надо было думать головой! – крикнула ему в лицо Айлин и поднесла указательный палец к виску. – А не той извилиной, что у тебя между ног.

Рустам схватил ее за руку и потянул на себя. Она часто дышала и смотрела него с такой ненавистью, что он видел чертей, пляшущих на пепелище ее терпения.

– Отпусти меня, – потребовала она. – И больше не прикасайся.

Он нехотя отпустил.

– Я хочу, чтобы тебя здесь не было.

– Что? Ты с ума сошла? Это мой дом! – возмутился он.

– Хорошо, тогда я с девочками уйду. И так будет лучше. Не хочу приходить и вспоминать, как сюда заявила твоя шлюха.

– Не говори так, – взревел Рустам.

– Как? Не называть твою токалку шлюхой? Прости, не могу. Привыкла называть вещи своими именами.

Айлин перевела дух и посмотрела на мужа с такой болью, что его самого пробрало до дрожи.

– Нам надо поговорить спокойно, – предложил Рустам. – Сегодня я уезжаю в Актау, мы планируем открывать там заправки. Я говорил тебе об этом. Оставайся здесь. И девочки, – он осекся, когда речь зашла о дочерях, – они не поймут, почему ты не дома.

– Анель с Лаурой приедут через три недели. Мы должны всё решить за это время и поговорить с ними.

– Я надеюсь, ты передумаешь, – осипшим голосом заявил он.

– Надейся и жди, – Айлин вздернула подбородок. – Я даю тебе время для твоей командировки, потом подаю заявление. Но адвокату позвоню сегодня же.

Она развернулась и побежала вверх по лестнице. Рустам окликнул ее, но она даже не обернулась. Он понял, что теряет ее навсегда.

Глава 7

Айлин

Выйдя из душа в банном халате, я прохожу в свою любимую гардеробную в бело-бежевых тонах. Здесь просторно, светло и уютно. С одной стороны – мои наряды и туфли. С другой – костюмы и рубашки мужа. Вспоминаю, как мы с Дианой подолгу обсуждали дизайн этой гардеробной, спальни, комнаты девочек, гостиной. У Ди с мужем компания по изготовлению элитной мебели, а сама она уже много лет работает дизайнером интерьеров. Столько воспоминаний нахлынуло разом: как мы с Рустамом впервые приехали на участок, смотрели, как заливают фундамент, потом поднимают стены. Это были одни из самых счастливых моментов в нашей жизни. Закрываю глаза, и память уносит меня на шесть лет назад...

Рустам обнимает со спины, а я кладу голову на его плечо. С ним всегда так хорошо и тепло, он дарит чувство защищенности и любви. Муж целует меня в щеку, и я опять таю в его объятиях.

– Ты довольна? – шепчет он на ухо. – Всё так, как ты хотела?

– Даже еще лучше, – восхищенно говорю я, смотря на уже готовый дом. Осталось только оформить комнаты, купить мебель и можно въезжать.

– Представь, что здесь мы встретим старость. У нас будет много внуков, и они будут гостить у нас.

– Представила, – закрыв глаза, ответила я. – Ты будешь всё таким же шикарным дедом, а я буду много ворчать, но всё так же любить тебя.

– А я тебя.

– Ма-а-ам, ма-а-ам, а какая из этих комнат наша? – в унисон кричат дочери.

Мы смеемся над нашими девочками. Рустам берет меня под руку и ведет в дом.

Щека горит от предательской слезы. Теперь этим воспоминаниям нет места в моей жизни. Подхожу к шкафу, где висит одежда Рустама, и кончиками пальцев пробегаюсь по висящим на вешалках пиджакам, достаю его голубую рубашку и вдыхаю ее аромат. Она пахнет им. Запах любимого мужчины, которого я навсегда потеряла. Я приняла окончательное решение, что не буду бороться и спасать семью. Ее больше нет. Нас больше нет. Все мосты сожжены в огне. Остался только шаткий и жалкий остов, за который почему-то так цепляется Рустам.

Но у меня осталось еще одно важное дело. Я хочу увидеть сына своего мужа. Мальчика, которого родила ему не я, а другая женщина. Умирать, так с музыкой. Я посмотрю на него одним глазком, и на этом всё. Мне нужно это, чтобы просто понять, что же я сделала не так.

Я вызываю такси, чтобы не светить свою машину. Судя по информации, которую скинул Улан, Томирис с сыном живут в таунхаусе «Кристалл сити» неподалеку от парка Первого президента. Недвижимость в этом районе элитная и очень дорогая. Такси без проблем пропускают на территорию, так как в коттеджном городке развитая инфраструктура: кафе, магазины, салоны красоты. Прошу водителя встать вдалеке от нужного мне дома.

– Простите, а ждать долго? – аккуратно спрашивает водитель. Хороший такой старичок лет шестидесяти. Глаза у него добрые.

– Не знаю, – отвечаю растерянно. – Я заплачу за ожидание, не переживайте.

– А представляете, – оживляется мужчина. – Я уже сюда приезжал. Вы знали, как это место называют в народе?

– Я только знаю «Кристалл сити».

– Да, но народная молва окрестила его «Токал сити», потому что здесь много токалок живет.

– Господи, – с грустью откидываюсь на кресло и смотрю в окно. Как же я докатилась до такой жизни?

Внезапно замечаю, как к нужному дому подъезжает машина... мужа. Глазам не верю, но это и вправду «Мерседес» Рустама. Только за рулем Улан. Хватаюсь за голову и нервно сжимаю свои волосы. Хочется выть от гнева и обиды, что душит и отравляет мое сердце. Чувствую, как к горлу подбирается тошнота, а живот пронзает острая игла. Боль в боку такая сильная, что кажется, я сейчас умру на месте.

– Что он здесь делает? Он же должен был улететь а Актау! – чуть ли не кричу я.

Таксист смотрит на меня в зеркало заднего вида и с сожалением качает головой. Он, конечно, понял, кто я такая. Байбише. Старшая жена.

– Отъехать дальше? – спрашивает коротко.

– Нет, стоим на месте.

Рустам и Улан выходят из машины и поднимаются по ступеням в дом. Смотрю в окно, нервно заламываю пальцы на руках и жду, жду, жду. Наконец дверь открывается. Сначала выходит Улан с двумя чемоданами, потом женщина средних лет – скорее всего, няня малыша. Вскоре на пороге появляется Рустам со своим сыном. Он трепетно держит мальчика за руку и помогает спуститься по ступенькам. На последней подхватывает его, кружит в воздухе и целует. Мой муж кажется таким счастливым и настоящим в этот момент. А малыш заливается звонким смехом и кладет свои маленькие ладошки на его щеки. Рядом с ними останавливается Томирис, которая, надо отдать должное, прекрасно выглядит. Высокая, с точеной фигуркой и

идеально уложенными волосами. Она тянется к лицу Рустама и оставляет короткий поцелуй на его губах. Он целует ее в ответ, держа на руках их сына. Их Тамерлана. Через несколько минут «Мерседес» трогается с места и направляется к выезду из городка.

– Господи! Как ты заврался! Как ты заврался! – повторяю я сквозь слезы.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спрашивает таксист.

– Езжайте, – прошу я, и водитель выполняет просьбу.

Слезы душат меня, я дала слабину. Рустам так счастлив с младшей женой и сыном. Когда он поднял его и закружил в воздухе, я вспомнила, как он точно так же играл с Анель и Лаурой. А они всё кричали: «Папа еще! Папа еще!» Чего у него не отнять, так это любви к детям. Но она... чем она его взяла? Красотой, сексуальным телом, готовностью по первому приказу раздвинуть ноги? Вся моя броня слетела в один миг. И в голове только один вопрос: «За что, мой любимый? Мой первый и единственный мужчина, отец моих детей? За что ты предал меня и нашу семью? Это того стоило? Теперь ты счастлив?»

Боль в животе усиливается, и мне кажется, что я либо отравилась, либо это из-за нервов. Что-то в горле мешает мне заговорить, и я не могу справиться с голосом.

– Карындас! Карындас! Не плачь! Не стоит он того! – пытается успокоить меня таксист.

Водитель останавливает машину и выходит. Я не могу понять, куда он подевался. Через несколько минут мужчина садится за руль и протягивает мне бутылку воды.

– Вот, сестренка, выпей, полегчает, – участливо говорит мужчина с добрыми глазами.

– Спасибо вам. Я вам отдам деньги.

– Да какие деньги! Вода стоит копейки. Я же вижу, тебе плохо. Ничего, сейчас довезу тебя до дома.

Дом. Мое место силы. Наша тихая гавань и наша крепость, где мы мечтали состариться вместе. Сегодня я буду там совсем одна. Любить и ненавидеть его, пока он в Актау кувыркается со своей токал.

Машина останавливается у дома, и я протягиваю мужчине купюру в 20 тысяч тенге. Водитель теряет дар речи, и я успеваю выйти на улицу. Но он все-таки окликает меня:

– Карындас! Это слишком много.

– Спасибо вам, ага! Дай Аллах вам здоровья.

Стою перед своим домом и поднимаю голову к небу. По нему, как корабли по бескрайнему морю, плывут белоснежные облака. Так неспешно, плавно, завораживающе. Не знаю почему, но эта картина меня успокаивает и помогает выровнять дыхание. Но физическая и душевная боль никуда не уходит. Ее семена прорастают во мне и пускают корни.

В доме меня встречает наша помощница Раушан. Она живет у нас пять дней в неделю, а на выходные ездит к дочери. Раушан – моя правая рука и просто хорошая женщина.

– Пожалуйста, как приедет Улан, скажи, что я хочу с ним поговорить, – бросаю на ходу.

– Всё хорошо? – обеспокоенно спрашивает она.

– Да немного живот болит, – отвечаю уклончиво.

В ванной умываюсь холодной водой, чтобы прийти в себя. Смотрю на свое отражение в зеркале и не узнаю. Я будто постарела на несколько лет. Новая волна сокрушительной боли накрывает меня, и я хватаюсь за живот. Теперь, кажется, меня еще и знобит. Внезапно звонит телефон, и я вижу, что это мои доченьки. Включаю видеосвязь, и на дисплее появляются девочки – счастливые, красивые, родные.

– Мамочка, привет! – машут мои погодки.

– Привет-привет! – стараюсь улыбаться, хотя внутри сердце в клочья. – Как дела? Как съездили в Оксфорд?

– Супер, мам! Там так красиво! И знаешь, кого мы видели? – весело спрашивает Анель.

– Интересно, кого?

– Герцогиню Кембриджскую! Ну Кейт Миддлтон! Представляешь, вот как тебя мы ее видели. Она такая классная.

– Здорово! Я бы тоже хотела на нее посмотреть. Она мне нравится, – пытаюсь поддерживать разговор.

– Ой, мамуль, а как прошел праздник? – неожиданно спрашивает Лаура.

– Здорово. Было весело.

– А ты надела то черное платье, которое мы вместе выбрали? – интересуется Анель.

– Да, конечно.

– Ты такая красивая в нем. Папа, наверное, обалдел от того, какая ты в нем шикарная! – смеется Лаура. – Кстати, а где папочка?

– Он улетел в командировку в Актау, – говорю спокойно.

– А-а-а... Ты ему передай, что мы звонили и очень соскучились по вам!

– И мы тоже соскучились. Люблю вас, мои крошки, – голос дрогнул на последних словах.

– И мы тебя, мам! Мы тогда побежали, хорошо?

– Конечно. Развлекайтесь!

Связь прерывается, и я не могу пошевелиться. Понимаю, что новость о второй семье отца их просто раздавит. Мне было столько же, сколько Анель, когда я узнала о токал папы. Но в отличие от своей мамы я хочу быть сильной. Не только ради детей, но и ради себя.

Спускаюсь на кухню в поисках таблетки. Открываю аптечку и прикидываю, что лучше: смекта, линекс или что-то посильней? Пока роюсь в ящике, слышу за спиной шаги.

– Айлин Талгатовна, вы хотели меня видеть?

– Да, – оборачиваюсь и коротко киваю. – Он улетел?

– Да.

– Почему они поехали с ним? – добиваю его вопросом.

Улан поднимает голову, и от его взгляда, полного сочувствия, мне еще хуже.

– Это она увязалась за ним. Тамерлан... Он болезненный мальчик, и ему нужно больше солнца. А в Актау турки построили какой-то супер-отель, как у себя.

– «Риксос». Да, я слышала.

– И она попросилась с ним, – он замялся, – чтобы на море отдохнуть, пока он будет занят на переговорах.

– Всё понятно, – вздыхаю я и отвожу взгляд в сторону. – Спасибо тебе, Улан. И прости за сегодняшнее.

– Нет, Асель Талгатовна, – качает он головой. – Это вы простите. Вы так много сделали для моей Марьям. Но я не мог ничего сказать. Понимаете?

– Конечно. Не бери в голову и езжай домой. Передавай привет Сауле.

Улан тоже прощается и выходит из кухни. Сажусь за стол, опускаю голову на руки и уже не могу сдерживать слез. Они льются рекой, и кажется, что я оплакиваю свою прежнюю жизнь, 17 лет счастливого брака, построенного на доверии, любви и партнерстве. Я раз и навсегда прощаюсь с иллюзиями. И одна из них – иллюзия счастья.

Живот скручивает очередной болезненный спазм. Мне тяжело дышать, и кружится голова. Внезапно к горлу подступает тошнота, с которой невозможно справиться. Бегу к раковине и опустошаю желудок. До чего я докатилась?

– Айлин! Что случилось?! – Раушан заходит на кухню и, увидев меня в таком состоянии, кладет ладонь на мой лоб. – Аллах! Да ты вся горяишь!

– У меня очень болит живот. Как будто меня режут, – стону я.

– Я вызову скорую. Потерпи, моя хорошая.

Адская боль пронзает меня снова и снова. Кажется, что лучше умереть, чем терпеть ее. Но поразительно другое: боль физическая помогает заглушить душевную.

***

Карета скорой помощи мчит по ночному городу. Я лежу на каталке ни жива, ни мертва. Фельдшер всё время что-то спрашивает, я кое-как отвечаю. Понимаю, что она делает это, чтобы я не отключилась. Меня скручивает от острой боли, и сердце бешено колотится. Я почувствовала неладное еще вчера вечером, но списала всё на стресс. Сегодня утром тоже было терпимо, а потом началось. Не могу сдержать стон, когда острая игла снова вонзается в брюшину.

– Быстрее! – кричит она. – Быстрее! Можем не довести!

– Доведем! – бросает ей через плечо водитель.

Вскоре машина останавливается, каталку вытаскивают на улицу и везут к зданию. Я слышу гул, голоса, какой-то непонятный шум.

– Женщина, 37 лет. Думаю, аппендицит. Подозрение на перитонит, – докладывает кому-то фельдшер.

– Так, Дина, что у нас тут? – слышу твердый мужской голос.

– Арсен Ильясович, пациентка с аппендицитом, но что-то совсем плохая.

Надо мной склоняется врач. Я медленно открываю глаза, и кажется, у меня галлюцинации, потому что я вижу Мистера Икс – загадочного мужчину из парка. Странно, он ведь только сегодня был со смены. Почему он опять здесь? Доктор тоже узнал меня и удивлен не меньше.

– Ну привет, таинственная незнакомка. Не думал, что так быстро увидимся, – улыбается одними глазами.

Он приподнимает мою кофточку и сосредоточенно ощупывает живот. Кричу от жуткой боли, затапливающей меня до краев.

– Когда начало болеть? – спрашивает Арсен Ильясович, глядя на меня.

– Вчера, – хрипло шепчу я.

– Почему не обратились?

– Подумала, что что-то не то съела.

– Когда боль усилилась?

– Сегодня. Где-то в обед.

– И опять вы не обратились за помощью, – не спрашивает, а констатирует факт. Мне нечего ему возразить.

Смотрю на врача, и мне не нравится его взгляд и сдвинутые к переносице темные брови. Арсен Ильясович смотрит на сотрудницу и говорит громко:

– Перитонит. Срочно в операционную!

Я хватаю его за руку и смотрю глазами, полными отчаяния:

– Операция?

– Да. Это очень серьезно, – отвечает Арсен.

– Я боюсь, – честно признаюсь я.

– Я буду рядом. Всё будет хорошо, – он крепко сжимает мою ладонь, и я понимаю, что могу ему доверять.

– Поехали! – дает он команду. – Быстрее!

Глава 8

Аппараты в операционной начинают неистово пищать.

– Давление падает! От стола! – слышу над головой мужской бас.

Еще один протяжный писк, какая-то непонятная возня и снова голос:

– Давай, девочка, борись!

Я будто наблюдаю за всем со стороны, вижу себя на операционном столе, врачей, склонившихся надо мной и еще одного – у изголовья. Он суетится больше остальных. Я не чувствую

под собой ничего, словно парю над землей как легкое перышко. Боли больше нет. Ни физической, ни душевной. Хочу вернуться в свое тело, чтобы жить дальше, но какая-то неведомая сила отбрасывает меня назад, я лечу в пропасть, ударяюсь о землю, после чего меня ослепляет яркая вспышка. Звонящая тишина вокруг позволяет отчетливо слышать биение собственного сердца.

Поднимаюсь на ноги, осматриваюсь и не сразу понимаю, где нахожусь. Глаза привыкают к яркому белому свету, и вот я уже могу различить, что вдалеке стоит деревянный круглый стол, покрытый бежевой вязаной скатертью. Вокруг него начинают один за другим появляться предметы. Советская стенка из красного дерева, диван, кресла, занавески. Всё это переносит меня в далекое детство, в квартиру дедушки и бабушки. Она находилась в доме для работников ЦК Компартии в самом центре Алматы. Этот район до сих пор называют Золотым квадратом. Квартиру эту я очень любила, потому что провела здесь детство и юность, пока были живы бабушка и дедушка.

– Ну что ты встала, как неродная? Иди сюда, – слышу голос своей бабушки Алии – хозяйки квартиры. Именно она учила меня держать лицо даже в самой ужасной ситуации.

Подхожу к столу и вижу трех женщин: бабушку Алию по отцу, бабушку Жибек по маме и свою любимую мамочку Лейлу. Быстро моргаю и пытаюсь ущипнуть себя. Кажется, я все-таки сплю. Осматриваю себя: руки-ноги на месте, волосы распущены. Я не обнажена, как на операционном столе, а одета в простое белое платье.

– Я умерла? – спрашиваю их.

– Я же говорила, зря вы ее выдернули, – бабушка Жибек берется за вязание и ловко перебирает спицы.

– Что ты вяжешь, ажека? – спрашиваю изумленно.

– Время покажет, что будет, – отвечает она, даже не подняв на меня свои мудрые глаза.

– Что это значит?

– Всё-то она хочет знать. Всегда такая была, – ворчит и смотрит на свою сватью. – В тебя, между прочим.

– Ну что, опять будем ругаться? Мы вообще не за этим собрались, – деловито говорит бабушка Алиа.

– А почему ты молчишь, мама? – спрашиваю у мамы. Она сейчас такая же, какой была до всей этой ужасной истории с любовницей отца. Такая молодая, красивая, родная. На ней платье в цветочек – мое любимое. Черные густые волосы заплетены в толстую косу. В последний год своей жизни она носила платок, так как из-за химиотерапии выпали волосы.

– Жду, когда ты спросишь то, что хочешь, – ласково улыбается она.

Я понимаю, о чем она говорит. Конечно, я спрошу.

– Почему ты не ушла от него, как только узнала правду?

– Потому что я его любила. И надеялась, что у него всё скоро закончится. Но я ошиблась: все зашло слишком далеко, родился ребенок. Моя ошибка в том, что я выбрала не себя, а его. Я поставила свою боль и обиду к нему выше собственной жизни, – пожимает она плечами.

Две бабушки переводят взгляд с нее на меня.

– А мне что теперь делать? Я уже не знаю, что я чувствую. Любовь, ненависть, обиду, досаду, – говорю ровно, без надрыва.

– Все ответы внутри тебя, – мама прикладывает ладонь к сердцу. – Это твоя жизнь и твой выбор. Но что бы ни случилось, любое твое решение будет правильным.

– Ты говоришь загадками, – усмехаюсь я.

– И ты уже знаешь разгадку, – мама подмигивает мне.

– Тебе сейчас хорошо, мама? – мой голос дрожит, а мама снова улыбается.

– Мне хорошо. И легко. Здесь нет боли, – отвечает она.

– Айлин, ты помнишь, что я тебе рассказывала про переходный возраст – мушел жас? – слышу рядом голос бабушки Алии.

Молчу, пытаюсь вспомнить. Ажека вообще много чего говорила. Она была умнейшей женщиной. Хотя и сложной.

– Мушел жас у казахов – это переходный возраст от одного периода к другому. Мы живем двенадцатилетними циклами, которые, подобно кольцам, составляют цепочку нашей жизни. И в этой цепи самые слабые места – места соединения звеньев. Я говорила тебе, что в 12 лет заканчивается детство и начинается молодость, с 25 лет – период взросления, а в 37 наступает зрелость.

Слушаю бабушку внимательно, а еще люблю ее нестандартной красотой и выдержкой. Ее обожал и боялся и муж-министр, и мой папа.

– Тебе исполнилось 37, и это самый тяжелый год в твоей жизни, – продолжает ажека. – Это время передачи энергии, опыта, накопленных знаний из одного возрастного состояния в другое. И сам момент передачи очень опасен, так как может случиться утечка энергии или ее потеря. Ты понимаешь, о чем я?

– Ты говорила, что в мушел жас человек может погибнуть, – дрожащим голосом говорю я.

– Не о том думаешь, Айлин, – недовольно качает головой бабушка. – Впрочем, есть смерть физическая, а есть духовная. Я говорила, что это опасный год, полный потрясений по всем фронтам. В 37 лет твоя задача не перенести негативную энергию и опыт в следующий жизненный цикл. Будь осторожна сама и не навреди другим. Ты же знаешь, какая ты у нас сильная?

– Я очень устала быть сильной, – горько выдыхаю я. – Я не знаю, насколько меня еще хватит.

– За тобой род. И он очень сильный, – говорит бабушка Алиа. – Ты из рода торе, а они потомки Чингисхана и высшее сословие аристократической элиты. Торе стоит особняком среди других родов, ведь это белая кость. Поэтому ничего не бойся и делай так, как я тебя учила. Ты слишком долго спала, моя дорогая. Но, наконец-то, проснулась.

Я смотрю на нее, потом на маму, затем на бабушку Жибек. Они улыбаются, как раньше, когда были живы.

– Время на исходе, Айлин, – говорит ажека, откладывая вязание. – У меня закончилась пряжа. А тебе пора возвращаться. Иди и не оборачивайся.

Я встаю и ступаю босыми ногами по холодному полу. Я часть белого света, его продолжение. До меня доносятся обрывки фраз, мужские голоса и осточертевший писк приборов.

– Работаем дальше! – слышу я знакомый приятный голос, и в этот самый момент меня ослепляет яркая вспышка.

Медленно разлепляю веки и вижу серый потолок. Не могу ни повернуть голову, ни пошевелиться, ни говорить. Чувствую в горле трубку и от наличия инородного тела кажется, что задыхаюсь. Чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание, начинаю мычать. Помогает. Ко мне подходит медсестра и что-то говорит. Я не могу разобрать, что именно. Перед глазами всё плывет, а в районе живота болит. Но не так, как до операции. Надо мной склоняется анестезиолог. Что-то говорит, измеряет давление, убирает трубку и уходит. Я снова погружаюсь в глубокий сон.

Снова просыпаюсь. Боль уже терпимая, но пошевелиться не могу: руки и ноги привязаны к кровати. Я подключена сразу к нескольким аппаратам. Очень сильно хочется пить, во рту так сухо, что режет гортань.

– Пи-и-ить. Пи-и-ить, – шепчу не своим голосом.

– Пить нельзя, можно только губы смочить, – говорит мне медсестра.

На вид ей лет пятьдесят. Она строгая, но глаза добрые. Женщина подносит ко рту кружку с водой, но я слушаю ее и только смачиваю пересохшие губы.

- Вот так, молодец. Будешь хорошо себя вести, скоро в палату переведут.
- А почему я связана?
- А-а-а, – отвечает медсестра, – это чтобы провода не отлетели, если вдруг дернешься во сне.
- Понятно.
- Спи, жаным. Набирайся сил. Если что, зови.
- Веки тяжелеют, наливаются свинцом. Проходит меньше минуты, и я проваливаюсь в бездну.
- Сегодня как прошла ночь? – слышу сквозь серую дымку долгого сна.
- Хорошо. Быстро идет на поправку. Даже удивительно.
- Я открываю глаза и вижу перед собой доктора. Он замечает, что я проснулась, и улыбается.
- Привет, спящая красавица, – бодро приветствует он. – Выспались?
- Да-а-а, – сипло отвечаю я. – А какой сегодня день?
- Вторник.
- Как вторник? – ошарашенно переспрашиваю я. – Я помню, было воскресенье.
- Правильно, – слегка смеется мистер Икс, – вы поступили вечером в воскресенье.
- Ничего себе.
- Да-а-а, – тянет он и садится на стул рядом с кроватью. – Вы нас заставили поволноваться. Во время операции у вас резко упало артериальное давление и началась гипоксия. Знаете, что это такое?
- Хмурюсь, пытаюсь вспомнить. Кажется, у Лауры сразу после рождения была гипоксия.
- Кислородное голодание? – спрашиваю я.
- Можно и так сказать. Но всё обошлось и вы с нами. Вы молодец, Айлин! Заново родились.
- Надеюсь, – пожимаю плечами. – А как вас зовут?
- Арсен. Я заведующий отделением экстренной хирургии и ваш лечащий врач.
- Вы спасли мне жизнь, – говорю тихо.
- Это моя работа, – неожиданно Арсен кладет свою ладонь на мою, но я и не думаю ее убирать. Его легкое непринужденное прикосновение мне сейчас очень нужно. – Кстати, у вас очень настойчивая подруга.
- О боже, – прикрываю глаза. – Софья? Вы простите, пожалуйста. Она журналист на Пятом канале.
- Уже знаю, – смеется он. – Зато благодаря ей вы у нас теперь на особом контроле. Ваша подруга знает начальника Департамента здравоохранения.
- Нет-нет, пожалуйста, никакого особого отношения. Мне очень неудобно. А Софа у меня получит, – краснею от неловкости и уже думаю о том, как прибью Сою.
- Не переживайте. Ваши подруги готовы были ночевать под нашими окнами. Мы их еле выгнали, – он опять смеется, а я невольно ловлю себя на мысли, что у него красивый смех и добрые глаза.
- И еще кое-что, Айлин, – он вдруг становится серьезным и сосредоточенным. – Приходил ваш муж. Рвался в реанимацию, но мы не пускаем сюда родственников. Тоже обещал подключить связи, но мы ни для кого не делаем исключений.
- Пожалуйста, – смотрю на него с мольбой, – не пропускайте его. Я не хочу его видеть.
- Понимаю, – кивает он, и мне кажется, что он знает обо мне больше, чем нужно.

Глава 9

Арсен

Когда он увидел ее на каталке в приемном отделении, то сначала опешил. Подумал, что быть этого не может, снаряд в одну воронку точно не бьет. Но Айлин не была галлюцинацией. Она была пациенткой, которая остро нуждалась в помощи. Поняв, что у нее перитонит, Арсен сразу потребовал операционную, и уже через несколько минут женщина лежала на столе. А ведь это даже не его смена. Просто один врач внезапно сильно отравился, и Арсену пришлось выйти на замену.

В воскресное утро ему захотелось прогуляться по Терренкуру, где он любил бывать с женой. Сегодня ведь ее день рождения, и последние пять лет именно в эту дату он приходил сюда. Вера всегда говорила, что здесь хорошо думается. Смена в больнице выдалась тяжелая: две экстренные операции, родственники, которых пришлось успокаивать чуть ли ни всем отделением, полнейший завал по всем фронтам. После такого надо было отвлечься. Вот он и пошел к реке: успокоиться, подумать и расслабиться. Тут-то ему и позвонил подчиненный, который слезно умолял поменяться сменами. Арсен сел на ближайшую скамейку, открыл ежедневник и посмотрел расписание. Поскольку делать Арсену было нечего и дома его все равно никто не ждал, он согласился. Отключив звонок, мужчина повернул голову и увидел ее.

Незнакомка сидела, закрыв глаза и подставив лицо солнцу. Ее лицо было напряжено, сама она тяжело дышала, словно на ее плечах груз всего мира. Луч света скользнул по ее шее, подбородку и щекам. В этом мягком утреннем свечении она показалась ему невероятно красивой и недостижимой. В их взаимном молчании было нечто, похожее на сопротивление. Арсен чувствовал, что она не рада незванному гостю. И ведь незнакомка даже фыркнула, поняв, что он не уходит.

Тогда Арсен решил действовать по-другому и предложил ей шоколадку. Она отреагировала, повернув голову и блеснув своими влажными от слез глазами. В них плескались печаль и разочарование.

– Шоколада не хотите? – разрядил обстановку он. – Я после смены обычно ем его. Не стесняйтесь, берите. Он поднимет вам настроение.

– А у меня плохое настроение? – ответила она, словно колючий ежик.

– В какой-то степени да. У вас всё на лице написано.

– Интересно, – цокнула она. – И что же у меня еще написано на лице?

– Что вам плохо, – серьезно, без тени иронии сказал Арсен и попал точно в цель.

Потом он в шутку предложил ей исповедаться. Врачи ведь чем-то похожи на священников. Она приняла правила игры и рассказала, что у ее мужа есть токал и он хочет жить на два дома. Арсен ушам не поверил. В его голове не укладывалось, как можно изменять такой красивой женщине? Он видел, как она равнодушно посмотрела на телефон и убрала его. Да, кто-то очень сильно налажал.

Он снова предложил ей шоколадку, и она отломилась маленький кусочек. Арсен не удержался и сказал, что думает о ее ситуации:

– Печально, что ваш муж настолько дурак, что заставляет плакать такую женщину, как вы. И еще печальнее, что вы вообще замужем.

Она смутилась, покраснела и сказала, что ей пора. Незнакомка не захотела называть своего имени, подловив Арсена на его словах. Ему было жаль ее отпускать, но такова жизнь: она чужая жена, табу.

Он еще немного посидел у реки, и воспоминания о Вере лавиной обрушились на него. Они познакомились на дне рождения общего друга, и между ними сразу вспыхнула искра. Когда его мама узнала, что он приведет в дом не традиционную казахскую келин, а славянку, она слегла с давлением. Но позже семья всё-таки приняла Веру, потому что ее невозможно было не любить. Она была веселой, красивой, доброй хохотушкой, которая с оптимизмом смотрела в будущее, даже несмотря на то, что у них с Арсеном не получалось стать родителями. Но они терпеливо ждали.

Вера преподавала маркетинг в университете и очень любила свою работу. А Арсен любил Веру. За то, что с ней он был лучшей версией себя. За ее нежность и заботу, ведь он вырос в традиционной восточной семье, где было четкое разделение на мужские и женские обязанности. Он мог забить гвоздь и починить кран, но совсем не любил мыть посуду и полы. Это было единственным, из-за чего Вера на него злилась. Вместе они прожили четыре счастливых года. Пока однажды ему не позвонил заведующий кафедрой, на которой работала Вера.

Она читала лекцию первокурсникам. Как всегда увлеченно рассказывала о предмете, повернулась к доске, чтобы что-то написать и случайно выронила маркер. Вера наклонилась и подняла его, но когда вернулась на исходную, у нее резко стрельнуло в голове. Девушка вскрикнула от боли и упала на пол. Всё произошло на глазах шокированных студентов. Когда скорая приехала в университет, им осталось только констатировать смерть. Как показало вскрытие, у Веры разорвалась аневризма головного мозга.

Знакомый, работавший в морге, разрешил Арсену войти после вскрытия. На столе лежала женщина, с ног до головы укрытая белой простыней. Мужчина убрал ткань с лица и не смог сдержать слез. Его Вера умерла. Он гладил ее по волосам, целовал ледяной лоб, щеки и губы, пока его силой не оттащили от нее. В один миг трагедия отняла у него не только любимую женщину, но и все надежды на счастливое будущее. Только утром они позавтракали вместе и она проводила его на работу, сказав, что ей ко второй паре. И Арсен помнил ее прощальный поцелуй у входной двери, ее последнее объятие и последнее «люблю».

Первые полгода прошли как в тумане. Он просто следовал строгому графику: работа – дом – еда – сон. Арсен поставил жизнь на паузу, потому что без Веры она не имела смысла. Каждый год на ее день рождения он приходил на Терренкур: неважно – до начала смены или после. Они с женой любили здесь бывать, брали с собой сэндвичи и горячий чай; много гуляли, смеялись, строили планы.

В последний год его стало понемногу отпускать, хотя он всё еще не мог впустить в свою жизнь другую женщину. Мама, конечно, пыталась его познакомить с дочерьми подруг, но он на корню пресекал любые разговоры на эту тему. А теперь, после встречи с загадочной незнакомкой, он удивлялся превратностям судьбы: впервые за пять лет ему понравилась женщина, но она не свободна.

В тот же вечер они встретились вновь. Только теперь ей нужна была его помощь. Во время операции у Айлин резко упало давление. Пока анестезиолог стабилизировал ее состояние, Арсен сказал ей:

– Давай, девочка, борись!

Операция прошла успешно. Он думал, что в приемном покое его ждет ее муж, но... никого не было. На скамье сидела только женщина средних лет и шептала какую-то молитву.

– Вы не родственница Айлин Мустафиной? – спросил он.

Женщина тут же поднялась и с надеждой посмотрела на врача.

– Я помощница по хозяйству.

– А родственники? Муж? Родители?

– Муж в командировке. Дочки за границей. Я только до подруг смогла дозвониться. Они уже едут.

Он подумал: «Два часа ночи, а сюда едут подруги. Что там за подруги такие?» Лучше бы не спрашивал. Потому что, если одна была тихоней и только плакала, другая оказалась более деятельной и еще до того, как приехала, умудрилась позвонить пресс-секретарю Департамента здравоохранения. А тот в свою очередь связался с главврачом. Как это часто бывает, связи решают всё. А у Софьи, подруги Айлин, они были, потому что она работала на телевидении.

– Арсен Ильясович, – серьезно начала она после знакомства. – Вы меня извините, но я не могла по-другому. Знаете же, как у нас бывает.

– Ничего страшного, – устало ответил он.

– А ее можно увидеть? – всхлипывала вторая подружка.

– Сейчас нет, она в реанимации. Будем смотреть на ее состояние и потом переведем в палату. Скажите, вы сможете связаться с супругом. Я спрашиваю, потому что если вдруг случится какой-то форс-мажор, то у него, как законного супруга, есть право принимать решение.

Девушки переглянулись. Диана начала еще сильнее плакать, а Софья выругалась под нос.

– Нет. Мы ему позвонить не можем, – с какой-то странной злостью сказала она. – Но я найду, кто сможет.

Вечером следующего дня муж Айлин уже стоял перед ним в ординаторской. Весь такой хозяин жизни, в дорогом костюме и сияющих туфлях. Но выглядел он сильно уставшим и искренне беспокоился за жену.

– Вашу супругу привезли вовремя. Если бы полчаса-час, был бы летальный исход. Дело в том, что аппендицит лопнул, его содержимое вылилось в брюшную полость и начался перитонит. Но мы всё вытащили и промыли. Операция длилась четыре часа...

– Мне надо ее увидеть, – Рустам резко прервал врача, не дав тому договорить.

– Это невозможно. Она в реанимации. Приходила в себя буквально на пять минут. Ей сняли трубку и всё.

– Вы не поняли меня, – покачал он головой. – Я могу найти выход, чтобы меня к ней пустили. Но я прошу по-хорошему.

– А я пока по-хорошему вам отвечаю, – как можно деликатней ответил Арсен, а сам хотел уже послать мужа Айлин в пешее эротическое. – Мы никого не пускаем в реанимацию. Исключения – родственники тех, кто при смерти. Они заходят попрощаться. Я надеюсь, вы не этого хотите?

– Что за вопросы? – разозлился он. – Конечно, нет. Просто мне надо увидеть жену.

Арсен изучающе посмотрел на мужчину и подумал: «Стоит тут весь такой важный, и видно, что за Айлин переживает. Но какого черта он ее предал и завел токал? К чему теперь весь этот концерт о большой любви?»

– Извините, – вдруг сказал Рустам. – Я был в командировке, и мне ночью позвонили, сказали, что Айлин... – голос его дрогнул, – при смерти. А вылететь получилось только сегодня после обеда.

– Я понимаю. К счастью, всё закончилось хорошо для вашей супруги, – Арсен сделал акцент на слове «вашей».

А потом произошло то, чего Арсен Ильясович страшно не любил. Рустам полез во внутренний карман пиджака, достал оттуда белый конверт и протянул врачу.

– Возьмите, это за вашу работу, – совершенно обыденно сказал он.

Арсен насупился. Он с неприязнью посмотрел на этот конверт и бросил Рустаму в лицо:

– Да, это моя работа. У нас государственная больница. Здесь есть всё необходимое. Уберите... это.

– Что вы ломаетесь, как маленький? Я же понимаю, какие у врачей зарплаты, – усмехнулся Рустам. – Я только хочу, чтобы за моей женой был должный уход. Я так понимаю, что не могу перевести ее в частную клинику.

– Правильно понимаете, – еле сдерживаясь, кивнул Арсен. – Поверьте, у нас квалифицированный персонал и уход на высоком уровне. И на зарплаты мы сейчас не жалуемся.

– Ну хорошо, – нахмурившись, Рустам убрал конверт обратно.

У Арсена чесались кулаки – так хотелось врезать. Не только за собственное унижение, но и за отношение к Айлин. Он сдержался, а потом положение спасла медсестра, прибежавшая из приемного отделения:

– Арсен Ильясович, к нам везут парня-самокатчика. Сбила машина. Сказали, вас позвать.

– Иду, – ответил он девушке и посмотрел на Рустама. – Если это всё, то до свидания.

Арсен негодовал. Святого он из себя никогда не строил, но и не понимал, как можно было предать такую женщину. За нее болела душа. Не только потому что он пережил потерю любимой жены. Последние два дня он гнал от себя одну мысль, которая не давала покоя. Айлин ему нравилась. Его к ней тянуло, как магнитом. Но она чужая жена, а значит под запретом.

Глава 10

– Я всё-таки вспомнила, где видела твоего красавчика, – бодренько говорит Соня, убирая бутылки с водой в тумбочку рядом с кроватью.

Я полулежу, а рядом пристроилась Диана. Она расчесывает мои волосы и недовольно шипит, когда набредает на очередной колтун. Ну что поделаешь, почти неделя в реанимации не прошла для меня бесследно. Я осунулась, побледнела, кожа стала сухая, а волосы, по словам Дианы, превратились в мочалку. Так как Ди у нас нежный цветочек, который тщательно следит за собой, то она притащила мне тканевые маски, уходовую косметику и вот теперь колдует над моей прической.

– Во-первых, он не мой красавчик, – смеюсь в ответ. – Он просто мой лечащий врач.

– Просто лечащий врач так на женщину не смотрит, – Ди легонько ударила меня массажкой по макушке.

– Ай, больно, – с наигранной обидой протянула я.

– Сиди смиренно, ты мне не даешь наводить красоту, – строго говорит Диана.

– Да кому эта красота нужна? Мужу, который сейчас трахает свою малолетку? – горько усмехаюсь я.

– Пусть муж-объелся-груш трахает свою малолетку, зато у нас есть обаятельный врач-герой, – заговорщицки шепчет Софья, поддавшись вперед. – Я вспомнила, где я его видела. У нас недавно вышел документальный фильм о Кантаре (*Кантар (январь – каз.) – так называют события в Казахстане в январе 2022 года, когда массовые протесты перешли в беспорядки*). И там твой лечащий врач давал интервью. Он, оказывается, герой, штопал солдатиков и полицейских после уличных боев. Вот, смотри, – Соня достает смартфон и включает фильм.

Я всё еще с содроганием вспоминаю январские события 2022 года. Всё началось 2 января, когда в Жанаозене люди вышли протестовать из-за повышения цен на сжиженный газ. Эту волну подхватили жители крупных городов Казахстана, а в самом большом – Алматы – протесты переросли в кровавые массовые беспорядки. Весь ужас начался 5 января. Это были уже не мирные митинги, а настоящее нападение на город. Беснующаяся толпа подожгла резиденцию президента, городской акимат, здание, где находилось сразу несколько телеканалов, захватила международный аэропорт.

С вечера 5-го и до утра 6 января силовики полностью потеряли контроль над городом. Полицейские и военные вынуждены были отказаться от патрулирования города и перейти к обороне собственных объектов, которые осаждали боевики. В результате полного коллапса системы охраны правопорядка двухмиллионного города на улицы Алматы вышли тысячи мародеров, которые под покровом ночи грабили магазины, торговые центры и банки.

Ранним утром 6 января в Алматы вошли военные. В городе началась антитеррористическая операция. Бои проходили в основном в центре города. Было много раненых и десятки погибших. Тогда же стало известно, что одна из крупнейших больниц в осаде – ее окружили боевики. Все жители Алматы жили в страхе и старались не выходить из дома. Позже власти заявили, что во время январских событий была попытка государственного переворота.

Софья включает мне эпизод, который снова переносит меня в кровавый январь. Я смотрю жуткие кадры хроники, которые сменяются кадрами больницы, где я сейчас лежу. Журналист рассказывает, что во время алматинской трагедии врачи и медперсонал находились в клинике четверо суток. Работали на передовой без отдыха и сна.

Я ахнула, когда на экране появился Арсен Ильясович. Его сняли за работой прямо в операционной, а голос за кадром вещал, что он один из тех, кто во время беспорядков спас не одну жизнь. А сам Арсен в интервью сказал: «Скорая одна за другой привозила раненых военнослужащих, солдаты привозили своих сослуживцев с огнестрельными ранениями и пострадавших от взрывчаток». На вопрос, было ли лично ему страшно, он без раздумий ответил: «Нет, это наша работа».

Нажала на паузу и на экране застыло сосредоточенное лицо Арсена. Отметила про себя, что ему невероятно идет синий хирургический костюм и белый халат, накинутый сверху.

– И всё-таки он красавчик, – слышу над ухом восторженный голос Дианы.

– Еще и герой, – подмигнула ей Софья. – Клин клином вышибают, ты не знала?

– Не знала, – передразниваю подружку. – Мне сейчас не до этого, со своими бы тараканами разобраться.

– Почему с тараканами? Я знаю только одного таракана, – хмыкает Соня. – Звонил?

– Звонил, – обреченно вздыхает. – Бесился, что трубку не беру, что разговаривать не хочу. Он, видите ли, в командировке в Астане, но о моем состоянии узнает от Раушан. Знаю я теперь его командировки. Попросила его не приезжать.

– Надо вам поговорить, дорогая, – Диана кладет голову мне на плечо. – Спокойно, без нервов. Чтобы тебя потом еще с чем-нибудь не увезли.

– Ага. С разбитым сердцем, например, – говорит Соня. – А девчонки что?

– Говорила с ними вчера по видеосвязи. Плачут. Домой хотят. Но боюсь, дома им лучше не будет. Я за них переживаю. Если та же Лаура узнает, что у папы внебрачный сын, она будет крушить всё вокруг. Анелька поспокойней, но это только видимость.

– Айлин, ты такая сильная, – обнимает меня Диана. – Я бы не пережила, если бы Азамат мне изменил.

– Азамат тебя не предаст, дорогая, – успокаиваю я подружку. – Ты же идеальная женщина. Готовишь как шеф-повар, выглядишь как богиня, прекрасная мама, еще и его партнер по бизнесу.

– Малыш, а как же я? Ведь я же лучше, лучше собаки! – Софья изобразила Карлсона из старого советского мультфильма и посмотрела на подружку взглядом Кота в Сапогах из «Шрека». – Скажи что-нибудь хорошее про меня.

– Софья Дильшатовна, ты космос. Настоящий друг и просто замечательный человек. Хоть и матерщинница. Дай Бог тебе много денег и мужика хорошего! – смеюсь я.

– Аминь, сестра! – заливается Софья.

На самом деле до пяти лет Софья носила отчество Ивановна, а фамилию Смирнова. Всё по деду. Отец Сони, как она говорила, свалил в закат, как только узнал, что у него будет ребенок. Когда Софье было четыре, ее мама вышла замуж за вдовца с двумя сыновьями. Всё бы ничего, да новый папа был уйгуром. Так Софья Ивановна Смирнова стала Софьей Дильшатовной Касымовой. Все думают, что она метиска.

– Вы правильно сделали, что выбрали карьеру. Это я расслабилась, – грустно вздыхаю я. – Занималась дочками, поддерживала Рустама... Типа вдохновляла на подвиги, – с горечью говорю я. – Вот теперь другая его вдохновляет, еще небось маточкой дышит.

– А почему бы тебе не устроиться на работу? – спрашивает Диана. – Ты же иняз окончила. Может, пойдешь преподавателем или переводчиком? Девочки выросли, и ты можешь начать строить карьеру. Никогда ведь не поздно.

– Точно! Поддерживаю Диану. Вот выйдешь отсюда и ищи варианты. Займешь голову и не будешь страдать.

Я задумалась. Может, девочки правы и никогда не поздно начать. Сейчас корю себя за то, что послушала Рустама, который сказал, чтобы я сидела дома, а он о нас позаботиться. Надо

было, как некоторые жены крутиков, попросить у него салон красоты или бутик. Но я была слепой дурой, которая вот-вот может остаться у разбитого корыта.

Вскоре девочки ушли, и я решила вздремнуть. На самом деле спала я много – так, как никогда в жизни. Я всё еще чувствовала слабость и не вставала. Арсен Ильясович сказал, что посмотрит меня завтра и решит, когда мне уже можно будет хотя бы ходить. Проваливаюсь в сон. Вокруг полное умиротворение, тишина и покой. Я лежу в своей кровати, укрытая не казенным одеялом, а своим любимым – белоснежным и мягким. Поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с Рустамом. Он улыбается и поддается вперед. Его ладонь накрывает мою щеку и гладит ее. Мне сладко и томительно одновременно. Он смотрит на меня так же, как несколько лет назад. До нашей трагедии. До его предательства.

– Айлин, милая, – зовет он меня, а я смотрю на него и не могу ответить, словно онемела.

– Айлин, родная...

Его образ растворяется, а мне всё еще хочется за него ухватиться. Открываю глаза и понимаю, что его ладонь по-прежнему гладит мою щеку. И только тогда осознаю, что он здесь, рядом со мной.

– Что ты здесь делаешь? – говорю недовольно, пытаюсь сесть на кровати. От одного движения начинает ныть шов, и я морщусь от боли.

– Где болит, родная? Позвать врача? – обеспокоенно спрашивает он. Но сейчас я уже не знаю, искренни ли его эмоции.

– Я тебе не родная. И я просила тебя не приезжать, – цежу сквозь зубы.

– А я приехал. И буду приезжать. Я твой муж. Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, – складываю руки на груди и отвожу взгляд к окну. – И муж ты мне ненадолго.

– Твой врач сказал, что ты чуть не умерла от перитонита. Почему ты сразу не позвонила, как только почувствовала себя плохо? – спрашивает на полном серьезе.

– Не хотела мешать тебе трахать токалку на берегу Каспийского моря, – съязвила я и заметила, как от удивления вытянулось его лицо.

– Откуда ты узнала?

– Ой, ты даже не пытаешься отрицать, – зло шурюсь на него. – Я приехала в аэропорт, чтобы тебя проводить, – сочиняю на ходу, чтобы не ставить под удар Улана. – А там ты, твоя младшая жена и твой сын, очень похожий на тебя. Нетрудно было сложить два плюс два. Ну как, милый, натрахался и приехал показать, какой ты чудесный муж и как переживаешь за старшую жену? Как видишь, жива, не сдохла, чтобы открыть вам дорогу.

Рустам молчит и злится. Желваки ходуном ходят. Он отходит к окну и убирает руки в карманы брюк.

– Я правда за тебя испугался. Хоть и не веришь, – признался он, не оборачиваясь. – Когда мне позвонили и сказали, что ты при смерти, я поднял всех в два часа ночи, чтобы найти возможность улететь. Но билеты были только на утро. Еле дотерпел до утра. А потом эта долбанная задержка рейса. С аэропорта сюда. Ты была в реанимации, меня не пустили. Но когда врач сказал, что... – его голос дрогнул на полуслове.

Рустам обернулся, подошел к моей кровати и сел прямо на нее. От его близости мне стало жарко, потому что мое тело всё еще предательски реагирует на мужа. Оно хочет этой чертовой близости, и это какой-то мазохизм.

– Если бы тебя привезли на полчаса позже, ты бы погибла. Я не хотел даже думать об этом, – он взял мои ладони в свои и посмотрел на меня как раньше. Черт возьми, если бы я не узнала о его токалке, я бы всё так же таяла от этого взгляда, в котором даже сейчас не чувствовала фальши. – Все эти дни я не находил себе места и понял, что не могу без тебя, Айлин. Ты нужна мне.

Я молчу, кусаю пересохшие губы и пытаюсь унять разыгравшийся шторм в моей душе. Что он творит? Что он говорит? Он снова и снова убивает меня, режет без ножа.

– Ты не можешь без меня. Я нужна тебе. Я твоя опора, мать твоих детей. Твоя соратница. Спасибо, что ты не назвал меня секретаршей года. Во всей твоей пламенной речи я ни разу не услышала, что ты любишь меня. Потому что у тебя сейчас одна любимая женщина – твоя шлюха, – выплевываю слово за словом. – Вот и иди теперь к ней, люби ее, делай из нее опору и соратницу, а меня оставь в покое.

– Я знал, что ты обиделась из-за этих слов. Но пойми меня, Айлин, – его ладони переместились на мое лицо, и я не смогла его остановить. – Это сильнее меня. Я пробовал с этим справиться, но не получается. Я люблю тебя, но и ее я тоже люблю. Вы обе делаете меня счастливым. Каждая по-своему. Айлин, многие сегодня так живут. Это было в наших традициях, в нашем ДНК, и люди к этому постепенно возвращаются.

Шок от его слов сковал мне горло. Не могу пошевелиться несколько секунд, но потом как будто выхожу из транса, убираю его руки с моего лица и отталкиваю.

– Мне не нужна твоя извращенная любовь. И перестань сюда таскаться, или я попрошу охрану больницы, чтобы тебя не пускали, – со злостью проговариваю я каждое слово.

– Я не уйду, и я буду навешать тебя каждый день. Я хочу, чтобы ты вернулась.

– И мы заживем долго и счастливо вдвоем? – истерично смеюсь. – Ты совсем больной или прикидываешься? Пока я подыхала от боли, ты повез свою шлюху с сыном на море. Пока мне делали операцию и я чуть не умерла, ты трахал ее в номере «Риксосу». Это твоя любовь? Знаешь, кто сидел здесь до трех ночи и ждал результатов операции? Наша домработница, твой водитель и мои подруги. А тебя не было! Почему? Потому что ты любишь себя. Ты придумал себе полигамию, прикрылся древними традициями, которым нет места в современном мире, и ходишь довольный, что у тебя две женщины. Хочешь усидеть на двух стульях, дорогой муж? Так жопа твоя не потянет, – я уже кричу на всю палату, а он смотрит на меня ошалевшими глазами. Ну что, милый, смотри, какой ящик Пандоры ты открыл. – Запомни, Мустафин: я никогда не буду твоей байбише. Я подаю на развод, забираю дочерей, и мы живем своей жизнью. И да, скоро с тобой свяжется мой адвокат. Будем делить совместно нажитое.

– Ты не сделаешь этого! – с угрозой в голосе выдал Рустам.

– Хочешь поспорить?! – кричу в ответ, и в этот момент дверь в палату открывается и входит Арсен Ильясович.

– Что здесь происходит? – грозно спрашивает он, глядя поочередно то на меня, то на Рустама.

– Ничего, мы с супругой разговариваем, – твердо отвечает Рустам, ожидая, что доктор выйдет.

Арсен Ильясович смотрит, как я тяжело дышу и как дрожат мои пальцы. Он подходит ближе, берет меня за руку и нащупывает пульс. Молчит, смотрит на часы.

– Айлин, вам нельзя волноваться. Сейчас попрошу, чтобы вам измерили давление, – говорит он и смотрит на мужа. – А вы покиньте, пожалуйста, палату.

Арсен указывает Рустаму на дверь, но тот и не думает уходить.

– Это моя жена. Я имею право здесь находиться.

– Это моя пациентка, и я действую в ее интересах.

Рустам не двигается. Они с Арсеном прожигают друг друга глазами. Эта безмолвная дуэль меня пугает.

– Мне вызвать охрану, чтобы вас вывели? – спрашивает строго Арсен.

– Доктор, а ты не слишком много на себя берешь? – нагло бросает ему Рустам.

– Не слишком. Я заведующий этим отделением, и, если надо, я выведу вас сам.

Рустам смотрит на меня с сожалением и гневом. Он не ожидал такого монолога, но я рада, что выговорила. Мне нужно было высказать всё, что думаю. И это мой первый шаг к новой жизни без Рустама.

Глава 11

Рустам

Этот врач начинал действовать на нервы и бесить. Появился в самый неподходящий момент, еще и выгнал из палаты. С Рустамом никто и никогда так не разговаривал. На работе все ходят по струнке, дома дочки льнут и ластьются, Томи заглядывает в рот, а Айлин... О, эта женщина оказалась полна сюрпризов. У нее прорезался голос, и, когда она злилась, была еще прекрасней. Но она утекала сквозь пальцы, и он уже не знал, как ее удержать.

Улан позвонил ему в час ночи и сказал, что Айлин в больнице и она при смерти. По словам водителя, когда он уезжал из дома, она уже чувствовала себя неважно, а ночью позвонила Раушан и сказала, что нужно привезти вещи хозяйки в больницу. Сон как рукой сняло. Он вышел из спальни в гостиную шикарного номера люкс, чтобы не будить спящую рядом Томирис. Сразу же позвонил секретарше. Сонная женщина туго соображала, и Рустаму пришлось уже кричать, что ему надо вылететь в Алматы первым же рейсом. На шум из комнаты вышла Томирис в шелковой сорочке. Она подошла к креслу, на котором сидел Рустам, и сзади обняла его за плечи.

– Жаным, идем спать. Я не могу без тебя, – соблазнительно шепнула она ему на ухо.

– Иди спать, милая. Мне надо решить вопрос с билетами на завтра, – нервно ответил он.

– С какими билетами? Ты же говорил, мы здесь на четыре дня. Мы же только прилетели и хотели отдохнуть! – возмутилась Томи.

– Моя жена попала в больницу. Она при смерти на операции. Я должен быть рядом, – отчеканил он. – Я поеду, вы с Тамерланом останетесь.

– Но жа-а-ан, – Томи обошла кресло и села перед Рустамом на колени, – чем сейчас ты можешь ей помочь? Она всё равно в больнице. А у тебя переговоры, работа. И мы же хотели провести время втроем, – она прошлась указательным пальчиком вдоль его бедра – от колена и выше. – Ты же обещал, любимый, что после работы поплаваешь с нами. Сынок так тебя любит.

Рустам посмотрел на Томирис и еще раз поразился тому, какая она красивая и обворожительная даже без косметики, даже полусонная и безоружная. Он потянулся вперед и коснулся пальцами ее подбородка. Томи маняще открыла рот, приглашая его в новую сексуальную игру. Но неожиданно проснувшаяся совесть заставила его резко встать и подойти к окну.

– Иди спать, Томи. Я всё равно полечу. Это не обсуждается. Айлин так же дорога мне, как и ты.

Он повернулся к большому панорамному окну и посмотрел на тихое Каспийское море. Свет в комнате горел, и в стекле отражался свет люстры и силуэт Томирис. Она грациозно продефилировала к нему, обняла со спины, обвив талию руками.

– Хорошо, я приму любое твое решение, дорогой. Всё же она старшая жена. Но могу я попросить тебя кое о чем?

– Конечно, – устало ответил он.

– Поцелуй меня перед сном, – чарующим низким голосом прошептала она ему в ухо, запустив молниеносную реакцию. Она не лукавила, когда сказала, что знает, на какие кнопки нажимать, чтобы Рустаму было хорошо. Он развернулся и коротко, даже целомудренно поцеловал ее в губы. Но она резко перехватила инициативу, притянув его за футболку и проникнув в рот языком. Рустама мгновенно накрыло желание, он сжал сильными ладонями ее талию, а затем руки скользнул к ягодицам.

Всё бы закончилось в спальне, если бы не позвонила секретарша и не сказала, что ближайший вылет из Актау в шесть утра. Это значило, что ему нужно было выезжать в аэропорт через два часа. Но ночью пошел сильный дождь. Шквалистый ветер раскачивал деревья и провода. Когда приехал в аэропорт, выяснилось, что рейс задержан из-за погодных условий. Пришлось вернуться в гостиницу и разгребать дела. Утром Рустам позвонил Раушан и спросил, как себя чувствует Айлин.

– В реанимации, – ответила домработница. – В сознание не приходила. Сказали, что она чуть не умерла прямо на операционном столе.

Домработница всхлипывала, а совесть танцевала прощальный танец на пепелище его здравого смысла. Он по-настоящему переживал за жену и гнал от себя дурацкие мысли. Одна из них: что он будет делать, если Айлин не станет? Что он скажет девочкам, ее отцу и подругам?

До клиники добрался только ближе к вечеру и сразу нашел ее врача. Поначалу он показался ему толковым мужиком, но ему не понравилось, с какой враждебностью и даже неприязнью хирург на него смотрел. Разве врачи не должны быть беспристрастными? А этот глядел осуждающе, оценивающе.

О том, что жена пришла в себя, Рустаму сказала всё та же домработница. Несколько дней Айлин провела в реанимации, а теперь ее перевели в палату. Но на звонки Айлин не отвечала. То сбрасывала, то писала короткий ответ: «Перестань мне звонить». Тогда он решил поехать к ней лично, когда вернется из Астаны.

Рустам дико соскучился по ней: такой родной, домашней, красивой. Это была уже другая красота: спокойная, утонченная, исключительная. Когда Рустам вошел в ее палату, то увидел, что она спала. Измученная, осунувшаяся и бледная – она полулежала на больничной койке и казалось очень хрупкой и уязвимой. Рустам больше не мог бороться с собой, ведь он так давно не касался ее. Он погладил ладонью ее щеку, и она отозвалась на его ласку. А когда проснулась, то вся магия растворилась.

Айлин знала, что он улетел в Актау вместе со второй семьей. Ему нечем было крыть. И тогда он решил ей открыться, признаться, что любит сразу двух женщин и ничего не может с этим поделать. Они обе поселились в его сердце и раздирали его в разные стороны. Одна – нежная, умная, утонченная, родная. Другая – сексуальная, чувственная, манящая и безупречная. И если Томирис смиренно принимала правила игры и была готова быть младшей женой, то Айлин отвергала даже мысль об этом. Он злился и на нее, и на себя. За то, что посмел полюбить еще одну женщину и не сдержал обещание, данное много лет назад.

Жена вышла из себя, кричала, ругалась. А потом появился этот хирург. И он уловил, как другой мужчина смотрел на его женщину, взял ее за запястье, чтобы прослушать пульс, и заметил на лице Айлин легкий румянец и смущение. От Рустама не ускользнуло и то, что этот докторишка имеет реальную власть над его женой. Она его беспрекословно слушает.

Выйдя из больницы, Рустам в первую очередь позвонил начальнику своей службы безопасности и поручил найти всё, что получится, на Арсена Сеитова. Слишком уж резвый этот доктор. Чересчур самоуверенный. Но даже у таких, как он, есть слабые места и свои скелеты в шкафу.

На следующий день Рустаму позвонил отец и недовольным голосом попросил приехать. Тогда еще он не думал, что родители знают о его токал и внебрачном сыне. Да и некому было рассказывать. Но он ошибся.

Мама при встрече была сдержанна, поцеловала в обе щеки и спросила, как Айлин и дети.

– Нормально всё, мама. Девочки через десять дней прилетают.

– А Айлин когда выписывают? – спросила Дарига и пристально посмотрела на сына.

– Откуда ты знаешь, что она в больнице?

– Есть такое замечательное изобретение. Мобильный телефон называется, – хмурилась мама. – Позвонила ей и узнала.

– И что ты еще узнала? – Рустам шумно выдохнул.

– Достаточно, – губы женщины сейчас напоминали тонкую ниточку. Это значило, что мама злится.

– Меня потому позвал отец?

– Иди, – только и смогла ответить она.

Он дошел до отцовского кабинета и постучал в дверь. Услышав грозное «войди», дернул ручку и через секунду оказался внутри. Отец сидел за массивным дубовым столом и читал документы. Рядом стоял стакан с водой. Увидев Рустама, Ерлан Габитович поднял свой взгляд и посмотрел на сына поверх очков.

– Сядь, – строго сказал он, и Рустам подчинился. Уж кого-кого, а отца он безгранично уважал и боялся. В 90-е он сколотил огромное состояние, не запятив себя связями с бандами. За это Ерлана Мустафина очень уважали.

– Ты хотел со мной поговорить? Что случилось?

Ерлан отложил документы и насупился.

– Случилось. Ты, сосунок, чем думал, когда токал завел?! – перешел он на крик. – Какого хрена, я тебя спрашиваю?! Дома жена – умница-красавица, дочки замечательные, а тебя, кобель ты блохастый, на сторону потянуло? Как мне в глаза людям смотреть? Тебя уже видели в Актау с какой-то девкой и ребенком. Ты, твою мать, даже не шифруешься и в открытую гуляешь?!

– Так получилось, – без тени сожаления и страха сказал Рустам. – У меня вторая семья. Жена и сын Тамерлан, ему полтора года. Я от них не откажусь.

Ерлан соскочил и подлетел к сыну. Тот встал с кресла и оказался лицом к лицу с разъяренным отцом.

– Повтори, что ты сказал?! – кричал он. – Жена и сын, которому полтора? Ты сколько Айлин обманываешь, придурок? Ты хоть понимаешь, чем это нам грозит? У нас проект строительства НПЗ. Мы одни из акционеров благодаря Талгату. Как думаешь, что он с тобой сделает, когда узнает, что ты обидел его дочь? Да он тебе яйца оторвет и в жопу засунет, а я его даже удерживать не стану. Ты, бл**ь, понимаешь, к чему привело твое неумение держать хозяйство при себе?

– У Талгата самого рыльце в пушку. Или ты забыл, что он завел токал в Астане, пока Айлин с матерью были здесь? И он тоже на две семьи жил, и его младшая жена даже сына родила. Так что, не ему меня судить и меня учить.

Ерлан так разозлился, что со злости ударил сына кулаком по лицу. Рустам пошатнулся, но стерпел. Мужчина дотронулся пальцами до горячей скулы и снова вытянулся, будто ничего и не было.

– Ты что, не понимаешь, что он из-за этого до сих пор чувствует себя виноватым перед ней? Одно ее слово, и он тебя похоронит. Нас похоронит!

– Не похоронит. Формально мы не ведем с ним дела.

– А неформально он обеспечивал нас выгодными проектами, лоббировал наши интересы, помогал с тендерами. Да, я не спорю, мы всё делали сами, у нас и до вашей женитьбы дела шли отлично. Но именно ваша свадьба помогла нам взлететь. А теперь ты, сукин сын, похерил годы работы.

– Я не обязан ни перед кем отчитываться о своей личной жизни. Так получилось, что у меня сейчас точно такая же ситуация, как у Талгата, много лет назад. Так что, не ему меня судить. Но я люблю свою... – он вдруг осекся, увидев, как от этих слов отца переполняет гнев, – я люблю женщину, которая родила мне сына. И он, между прочим, ваш внук и наследник.

– А Айлин? Что с ней? Хочешь сказать, любовь прошла?

– Нет, – честно ответил он. – Ее я тоже люблю.

Рустам прислонился к столу и опустил голову. Он молчал несколько секунд, а потом посмотрел на Ерлана и выпалил:

– Она подает на развод.

– С*ка, – Ерлан сел в кресло и закрыл лицо руками. – Я вырастил идиота. Черт возьми! Как ты до этого дошел? Ты же умный мужик, при тебе компания расцвела еще больше. Что с тобой случилось? Или вся кровь от мозга прилила к другому месту? Как увидел ту блондинку, так сердце билось о штанинку?

Рустам молчал и тяжело дышал. История о том, что он под сорок лет встретил девушку, в которую влюбился, отцу бы не понравилась. Но это была правда.

– Я люблю их обеих – Айлин и Томирис. Я боялся признаться во всём Айлин, и, как показали последние события, не зря. Она не принимает этот формат отношений. Но отпустить ее я не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.